

Мартин Сикорский

НЕБЕСНЫЕ ГЛАЗА

РЕТАГОР

Мартин Сикорский

Небесные глаза. Ретагор

«Издательские решения»

Сикорский М.

Небесные глаза. Ретагор / М. Сикорский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832074-3

Историю творят обычные люди, но пока они меняют мир, меняют и себя. Когда идет битва за добро и порядок, человек идет дорогой, которую бы не выбрал себе никогда. Даже если она ведет к Святости...

ISBN 978-5-44-832074-3

© Сикорский М.
© Издательские решения

Содержание

I	6
II	13
III	26
IV	36
V	41
VI	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Небесные глаза
Ретагор
Мартин Сикорский

© Мартин Сикорский, 2016

ISBN 978-5-4483-2074-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

Ретагор подбросил веток в костер и поежился. Несмотря на лето, под утро всегда холодно, особенно в лесу и особенно на берегу водоемов, но он сознательно выбрал это место для ночевки прошлым вечером и не пожалел об этом. Ему удалось поймать две изрядного размера рыбины, которыми он со своим немногословным спутником разнообразили свой рацион, который последние три дня состоял только из вяленого мяса и начавших портиться лепешек. Немногословным? Ретагор улыбнулся про себя. Пожалуй, даже чересчур немногословным – даже элементарные слова и фразы приходилось вытягивать из него клещами. А еще говорят, что монахи изрядные болтуны. Впрочем, какая мне разница, подумал он, мое дело маленькое – провести этого типа до Велина и все. Тем более что монах поставил ему условие еще при найме – никаких вопросов, никаких разговоров о цели и конкретном месте путешествия и никаких рассказов о нем кому бы то ни было. Сюда еще нужно добавить запрет разговаривать о нем с возможными попутчиками. Об этом не договаривались изначально, потому что монах попросил, нет, пожалуй, потребовал вести в Велин самыми потаенными тропами, и то, что они повстречали этого старика, вовсе не его, Ретагора, вина, просто старик забрел куда-то не туда. Причем вид у него был не блеск. Как сразу понял Ретагор, старик не ел уже день, может даже два – воды-то было здесь вдоволь, хоть ручьи, хоть речка, а вот с едой неважно, потому как старик был совсем немощный, и ни о какой охоте мечтать ему даже не приходилось. Ретагор хотел взять этого беззащитного старика с собой, но монах был непреклонен – едой поделиться можно, но брать с собой нельзя, пусть выбирается сам, как сможет. Самое лучшее, что мог сделать Ретагор, – это тайком объяснить старику, куда идти, чтобы добрести до Велина, а еще договориться, что он, Ретагор, будет помечать их путь, чтобы старику было легче искать дорогу. Не бог весть что, подумал Ретагор, но иначе его кости через пару дней уже будут глотать волки и клевать вороны.

Это было вчера, и если старик не сбился с пути, а следует за ними, то завтра они сами будут в Велине, а потом и старик, подумал Ретагор и вновь подбросил веток в костер. От утренней росы костер быстро намокал, начинал дымить и мог потухнуть. Справа послышался шелест. Ретагор мельком кинул взгляд, рука машинально потянулась к ножу, но это всего лишь монах ворочался во сне. Вообще, у него был странный вид, ему больше подошло бы нанять конного провожатого, а не брести с незнакомым ему проводником пешком через непроходимый лес. Впрочем, в нынешние времена, возможно, именно так и следовало поступать, если не хочешь попасться никому на глаза. Причем не только людям. Ретагор вспомнил того охотника, которого повстречал несколько недель назад на ночевке в одной большой деревне. К тому моменту, когда Ретагор пришел в харчевню, охотник успел изрядно накачаться пивом и сидром, но выглядел больше испуганным, нежели пьяным. А и напился он, судя по всему, от страха. Харчевня могла похвастать только двумя длинными столами и лавками, поэтому не мудрено, что Ретагор оказался напротив охотника, который говорил и говорил, не переставая. Но говорил, можно сказать, одно и то же. Вначале Ретагор не прислушивался к его болтовне, но тот говорил громко, и не слышать его было невозможно. Из бессвязной речи охотника стало понятно, что ему повстречалась группа странных существ, которые молча шли через лес, направляясь неизвестно откуда, неизвестно куда. «Можете мне не верить, но это были не люди, – клекотал охотник. – Издали могли бы сойти за людей, но сблизил..! Жуткие создания. Не знаю, откуда они взялись, но это порождения сатаны. Верьте мне – не иначе, как порождение ада!». Ретагор пожал плечами и погрузился в собственные думы. Он второй раз слышал подобное – первый раз было в позапрошлом месяце при схожих обстоятельствах. И помимо этого ходили слухи. Слухи бывают всегда, но сейчас они, почему-то повторяют друг друга. Может, в них что-то есть?

Ретагор вздохнул, повернулся и посмотрел на спящего спутника. Монах был высокого роста крепкий мужчина лет пятидесяти-пятидесяти пяти с черной с проседью короткой бородой и крепким широким лицом. Он называл себя Ануром, что, по мнению Ретагора, больше напоминало какое-то прозвище на языках восточных варваров. Ему бы больше палица подошла, чем тот хлам, который он бережно таскает с собой, подумал Ретагор в очередной раз. Хламом Ретагор называл довольно объемистый мешок из кожи, который Анур нес на плече, изредка перекладывая в руку, но при этом никогда с ним не расставался. Любопытством Ретагор не страдал, поэтому не стал спрашивать или как-то по-другому разузнавать, что такого ценного он несет с собой, а Анур не откровенничал на эту тему, поэтому если возможно было бы что-нибудь узнать, то только тогда, когда мешок оставался бы безнадзорным. Но такого никогда не происходило – Анур даже спал в обнимку с этим своим драгоценным мешком.

Ретагор поднял глаза и увидел, что на листьях над его головой заиграли первые солнечные лучи. Скоро солнце встанет окончательно, подумал он и решил, что пора будить своего попутчика. Он поднялся, расшевелил костер, оставив только угли и почти сгоревшие ломкие ветки, выставил две деревянные рогатины и подвесил над ним котелок, чтобы разогреть куски поджаренных вчера рыбин. Его этот завтрак вполне устроит, а монах, если решит, что это недостойная его еда, пусть пеняет на себя. Он обещал обеспечивать их свежим пропитанием, он это делает, а если Ануру его стряпня не нравится – его проблема.

Солнце поднялось уже выше горизонта, и Ретагор собрался уже его будить и даже встал для этого, когда тот открыл глаза, с тяжеловесной резкостью выпрямился и уставился на Ретагора хмурым, пронизывающим взглядом.

– Будете рыбу? – спросил Ретагор.

Анур что-то неразборчиво буркнул и, встав, отошел в сторонку.

Ретагор принял бурчание за знак согласия и разложил куски разогретой рыбы на две плоские деревянные посуды.

Монах вернулся, уселся на сложенные еще вчера вечером несколько кривых бревен вместо табурета и молча принялся за еду.

Ретагор доел свой завтрак и пошел вымыть руки. Независимо от себя он сел на берегу речки, с которой открывался замечательный вид – солнце вставало, освещая водную гладь, с берега к воде склонились ветви деревьев, изредка слышался всплеск воды – рыба или бобр резвятся. Хорошо, подумал Ретагор, даже вставать не хочется. Он любил этот лес, этот вид, эти звуки и запахи, наверное, поэтому он бросил кузнечное дело на полдороге, расстроив своего дядю, который возлагал на него такие надежды, и занялся таким странным, по мнению всех, делом – наниматься проводником к разному люду, и даже группам, которым требовалось куда-то за чем-то идти. Охотник – это я понимаю, говаривал дядя, но что это за дело всяких проходимцев сопровождать! Ретагор не стал тогда говорить, что люди нанимают проводников не только, даже не столько от того, что сами не знают дороги, а для того, чтобы не попасться в лапы лесных головорезов и лиходеев, охочих поживиться за счет заезжих путников. При этом они не гнушались убийством – нет свидетелей, нечего опасаться. Через некоторое время Ретагор снискал себе славу бесстрашного и честного человека, что было редкостью среди лесных обитателей. Кроме того, внешность Ретагора располагала к доверию. Это был мужчина высокого роста лет тридцати лет, широкоплечий, на вид ловкий и сильный. Темно-русые волосы спадали на плечи, но не придавали ему неряшливого вида, как и длинная щетина тоже не создавала эффекта неухоженности. Люди приглашали Ретагора сопровождать их, зная, что он либо поможет им отбиться от грабителей, либо проведет такими тропками, где никого не бывает, и поможет избежать неприятностей. Это было давно, много лет назад, сейчас дяди уже нет в живых, а Ретагор уже переменял на своем пути за это время не одно поселение и находился теперь так далеко от родной деревни, что и думать об этом не хотелось. Ладно, пора идти, встрепенулся он и поднялся. И сразу почувствовал, что волшебство, которое так его всегда

захватывало, вмиг пропало – за спиной Ретагора лес сгущался, солнечные лучи еле пробивались к земле, там царил вечный полумрак, другие звуки, более реальные и чаще всего сулящие опасность.

– Сегодня ближе к вечеру будем в Велине, – проговорил он, подходя к Ануру, который уже упаковал свои нехитрые пожитки и взвалил их на плечо.

Ретагор за прошедшие дни уже настолько привык к манере «общения» своего попутчика, что даже не ожидал ответа, а потому был изрядно удивлен, когда Анур посмотрел на него в упор и проговорил:

– Храни тебя Господь за твой труд и прилежание. За три дня ты ни разу не нарушил нашего соглашения. Мне говорили о тебе много хорошего, но я не совсем верил. – А потом после короткого вздоха добавил: – Время... времена нас портят, мы уже не верим людям, даже своим глазам и ушам, верим только в самое худшее.

Это была самая длинная фраза, которую Ретагор услышал от монаха за все время их знакомства. Более того, она его сильно поразила. Он, правда, постарался скрыть это, но внутренне был поражен тем, что за обликом непробиваемого, сурового, неразговорчивого и надменного монаха, возможно, скрывался довольно тонкий и проницательный человек, способный на искреннюю благодарность.

– Кстати, мы можем немного срезать путь, – предложил Ретагор, – если здесь свернем левее и пойдем прямо по берегу реки.

Анур покачал головой.

– Нет необходимости. Мы идем, как положено. Нарушать планы – дурное намерение.

Ретагор пожал плечами. Он нагнулся, собрал посуду в продолговатый мешок, который носил на спине перекинутым через туловище, затоптал остатки костра, засыпал его землей и пожухлыми листьями. Еще некоторое время здесь будет сохраняться незримый признак человеческого присутствия, но уже через час-полтора никто не поймет, что здесь кто-то делал привал. Манера скрывать следы своего пребывания выработалась у него до автоматизма.

Ретагор шагал впереди, тщательно выбирая путь, стараясь оставлять как можно меньше следов. Если не считать оставляемые им кое-когда незаметные для непосвященного пометки для несчастного старика, о которых они договорились, можно сказать, что их путь оставался практически незаметным. Из поведения монаха и оброненных им случайных фраз Ретагор сделал вывод, что если тот и не опасается преследования как такового, то, по крайней мере, старается сделать все, чтобы его путешествие оставалось в тайне. И Ретагор делал все от него зависящее, чтобы так и было. Может, с этим и связана неожиданная похвала со стороны монаха? А не все ли равно – он делает свое дело и старается не допустить ошибок, вот и все. Однако он не догадывался, что главную ошибку он уже совершил.

Некоторое время спустя лес стал редеть, появились сначала мелкие, затем обширные прогалины, и Ретагор понял, что скоро они дойдут до опушки леса. Этот участок он знал очень хорошо, и знал, что это не опушка, а волею судьбы и природы образовавшаяся посреди леса большая пустошь, со всех сторон окруженная лесом. В обычном случае он бы пошел напрямик через нее, так короче, да и по яркому солнцу он успел соскучиться, но сейчас он подумал, что, пожалуй, будет лучше обойти пустошь лесом, чтобы не попадаться никому на глаза. А глаза у леса очень зоркие. Он повернулся к монаху и поделился с ним своим предложением. Тот благодушно кивнул, демонстрируя, что более чем доволен подобной предусмотрительностью своего проводника.

– Тогда сделаем короткий привал в незаметном местечке, – скомандовал Ретагор и указал Ануру направление, в котором следует идти. Тот приглядывался, но ничего особенного в лесной чаще не замечал, потому обернулся к нему с вопросительным выражением лица. Ретагор усмехнулся про себя и, придвинувшись к монаху, проговорил: – Там растет дикая бузина, получился шалаш. Пойдемте, покажу. Там и передохнем.

Это было действительно красиво и выглядело эффектно даже для самого Ретагора, хотя он бывал здесь не раз: несколько кустов бузины росли так скучено, что их ветви, прогнувшись к земле, образовали шатер, внутри которого было уютно и приятно отдохнуть. Монах хмыкнул и, раздвинув ветви, расположился внутри. Ретагор чуть задержался снаружи, заметив, что вокруг полно следов оленя. Он пригнулся, чтобы рассмотреть их получше и определить, как давно он здесь был, и в этот миг прямо над головой что-то просвистело, резко, разрезая воздух. Ретагор не колебался ни секунды и прямо через ветки бузины ввалился внутрь. Вслед за ним влетела и вторая стрела. Здесь было темнее, чем снаружи, и Ретагор миг-другой ничего не видел. Он сделал шаг, обо что-то споткнулся и упал. Падая, он кинул себя через то, обо что споткнулся, и уперся в противоположную стенку из веток. Он присел на корточки и посмотрел назад. Монах лежал на земле навзничь, стрела торчала у него из груди, на коричневой рясе расплывалось темное пятно. Анур даже не делал попыток встать, он лишь судорожно хватал ртом воздух и сжимал пальцами землю и траву.

Ретагор пригнулся, опасаясь новых стрел, но все было тихо. Однако он знал, что стрелок где-то затаился и ждет случая, чтобы выстрелить снова. Внутри он ничего не видит, а потому не стреляет, а стрелы, очевидно, предназначались ему, Ретагору, но попали в Анура, которого стрелок на тот момент видеть уже не мог. Ретагор почувствовал, что его охватывает ярость, гнев, злость, все вместе, левая рука сжалась в кулак, а правая сдавила рукоятку короткого меча – идеального оружия для леса. Здесь большой меч – штука бесполезная, всегда говаривал он, кругом деревья, кусты, здесь нужен короткий клинок. Сейчас он понимал, что у него есть два пути: либо затаиться и дожидаться, когда нападавшие попытаются войти внутрь и наброситься на них, либо попытаться незаметно выбраться и подкараулить их самому. Страх он не испытывал, он слишком много лет провел в лесу, участвовал в слишком многих быстрых, подчас подобных неразберихе лесных схватках, что успел позабыть это чувство. Сейчас он думал только о том, как лучше использовать свои силы. Прикинув, он решил выбрать второй вариант и, бросив на монаха обреченный взгляд, ползком выбрался наружу, перекатился несколько раз, держа меч прижатым к предплечью, и когда оказался в низком, но густом кустарнике, поднял глаза. Он затаился и старался производить как можно меньше шума. Осторожно подняв голову, Ретагор длинным взглядом окинул все вокруг, но почти ничего не заметил. «Почти» заключалось в легком движении листвы высокого пушистого куста, которого оказалось достаточно, чтобы привлечь Ретагора внимание. Приглядевшись внимательнее, он разглядел шапку темных волос, венчавших голову, склонившуюся к тетиве лука. Он явно ждал, когда цель покажется, чтобы немедленно подстрелить ее. Ретагор рассчитывал, как незаметно подкрасться к стрелку, когда вдруг появились еще несколько персонажей, не столько расстроив его планы, сколько, напротив, ускорив их. К стрелку сбоку тихо подошли несколько человек, одетых на манер крестьян, но длинные ножны на поясах, краги и мягкая, бесшумная манера ходить резко нарушала их идиллический образ безобидных землепашцев или пастухов. Дело осложняется, понял Ретагор и решил действовать, не откладывая. Если до этого он собирался незаметно подкрасться к лучнику и обезоружить его, то теперь это представлялось уже невозможным, более того, получив подкрепление, они наверняка двинутся в их сторону, а значит, рукопашной не избежать.

Ретагор протянул руку и вынул тяжелый короткий нож, перехватил его за клинок, присел на одно колено, стараясь оставаться незамеченным, примерился и бросил его непосредственно в лучника, которого теперь мог разглядеть очень хорошо. Потому что после того, как к нему подошли товарищи, он перестал таиться и даже перебрался с ними несколькими отрывистыми репликами. Это его и погубило. Нож резко воткнулся ему чуть ниже подбородка, между ключицами, отчего он вскинул руками и опрокинулся на спину. Ретагор превосходно сознавал, что в лесу наиболее опасен лучник, засевший в засаде, поэтому, не колеблясь, при-

нял решение первым выключить из игры именно его. Оставалось еще трое или четверо головорезов, вооруженных длинными кинжалами, но главное – лук.

Увидев, что произошло с их товарищем, те кинулись в рассыпную и двинулись в сторону «шатра», в котором, как они думали, засели монах со своим проводником. Это было Ретагору только на руку. Воспользовавшись тем, что внимание нападавших отвлечено на попытку штурма их бывшего укрытия, Ретагор вскочил на ноги и через секунду прижался к стволу одного из ближайших деревьев. Теперь он на ногах, теперь все хорошо. Вскорости один из нападавших приблизился к Ретагору, сам того не подозревая, почти вплотную, только с обратной стороны дерева, пригнулся и, судя по движениям, намеревался первым ворваться в «шатер», так как находился ближе остальных. Ретагор вынул левой рукой из-под рукава правой руки короткий острый нож, прилаженный к предплечью легкой матерчатой скобой, и нанес резкий удар, выбросив руку с ножом из-за дерева. Удар пришелся не подозревавшему о том, что у него за спиной тот, которого он ожидал видеть где-то впереди, по горлу, как и рассчитывал Ретагор, и он, издав короткий вскрик, повалился на колени, уронив оружие. Ретагору вовсе не нравилось убивать, но иногда не оставалось другого выхода. Тем более, что они все равно секторатом, наверняка, осуждены на повешение, успокоил себя он.

Ретагор сжал рукоятку своего короткого меча и вышел из своего укрытия.

– Что вам нужно? – крикнул он.

Его вопрос был обращен к оставшимся двум нападавшим, которые при этом резко обернулись и коротко, переглянувшись, двинулись молча в его сторону. Ретагор сделал шаг в сторону, чтобы они увидели, что стало с их товарищем, и, многозначительно посмотрев на того сверху вниз, вновь обратился к этим двум:

– Итак, я спрашиваю, что вам нужно? Говорите, не то отправлю вас туда же, куда и этого. И того, что сидел в кустах. Говорите!

Его крик и приказной тон не меньше, чем вид товарища с перерезанным горлом, оказали на двух грабителей отвращающее действие. Они опять переглянулись, и один из них произнес:

– Если ты шел с этим монахом, ты должен знать, что нам нужно. И мы заберем это, чего бы это ни стоило. Он, небось, спрятался там, – говоривший ткнул пальцем в сторону природного шалаша, – и ему придется нам это отдать.

Они не знают, что Анур погиб, понял Ретагор. Он оглядел обоих с ног до головы: крепкие, высокие, лет около двадцати пяти, довольно опасные, в глазах холодок. Второй, видя, что Ретагор ничего не ответил, расценил, видимо, это как признак слабости, сделал несколько шагов в сторону, как бы заходя сбоку, и присел на корточки, прислонившись к дереву. Небрежно поигрывая ножом, он иронично посмотрел на Ретагора и предложил:

– А еще говорят, что ты осторожный парень. Не стоило тебе откровенничать со стариком – он очень нам помог, иначе мы бы плутали здесь до темноты.

Ретагор молча прикусил губу. Старик навел этих бандитов на его след. Вольно или невольно, но именно он оказался во всем повинен. Ну да ладно, что сделано – того не воротишь.

А разбойник продолжал все с тем же насмешливым тоном:

– Давай-ка, забудем про то, что ты двоих наших уложил, и уладим это дело мирно, а? Тем более, что с этими двумя оплатой делиться уже не придется, – и весело хохотнул.

– Как это уладим? – спросил Ретагор.

– А очень просто, – продолжал тот, что сидел на корточках. Его темные волосы небрежными космами спадали на лицо, поэтому, когда он смотрел вниз, лица было не разобрать. – Ты сдашь нам этого монаха, который сейчас трясется, где ты его припрятал, а мы тебе за это заплатим. Нам самим заплатили неплохо, так что мы не будем в накладе, ты не переживай.

Ретагор усмехнулся:

– А я и не переживаю. Только вот монаха не видать вам, как своих ушей. Предлагаю другой вариант: вы говорите мне, кто заплатил вам и за что, а потом убираетесь прочь. За это я оставлю вас в живых.

Однако его слова не очень-то смутили грабителей. Напротив, они повели себя еще более самоуверенно. Тот, что сидел, поднялся во весь рост и угрюмо посмотрел на Ретагора.

– Мы знаем, кто ты, нам говорили. И говорили, что ты честен, а потому опасен, и тебя нужно прикончить первым. Но ты оказался расторопнее нас, что ж поделать, – он развел руками. – Поэтому предлагаю тебе сделку. Этот чертов монах неким людям здорово насолил, и у него есть кое-что, что мы должны забрать. А если ты встанешь на нашем пути, головы тебе не сносить. Ты ведь в этом лесу, как бы, промышляешь, не забывай об этом. Монах пришел-ушел, а ты останешься. Подумай хорошенько.

Слишком уж они самоуверенные для двоих, тем более, если что-то слышали про меня, мелькнуло у Ретагора в голове. Уж не тянут ли они время, ожидая подкрепления. Если так, то действовать нужно быстро, как бы поздно не оказалось...

– Мой ответ вы слышали, – проговорил он, небрежно поглядывая по сторонам.

– Наш – тоже, – сквозь зубы процедил его собеседник, и, как стоял, выбросил вперед руку.

Нож, вылетевший у него из рукава, непременно бы ранил или убил Ретагора, но тот мгновением раньше уклонился немного в сторону, и нож пролетел совсем рядом от его лица. Следующим движением Ретагор прыгнул к тому, что был ближе, резким движением отнял его руку с длинным кинжалом и полоснул острием меча по груди. Легкое на вид движение нанесло тому серьезную рану, он пошатнулся и опрокинулся на бок. Второй тем временем кинулся на Ретагора сам, вооружившись похожим кинжалом и маленьким круглым щитом, который он выставил вперед, отражая им удары мечом противника. При этом он пытался своим кинжалом поразить Ретагора, однако это продолжалось недолго – сказала разница в мастерстве. Ретагор сделал ложный выпад, отвлек этим внимание соперника и ударил его другой рукой кулаком по лицу. Удар оказался настолько силен, что грабитель опрокинулся навзничь, вторым и третьим ударами рукояткой меча Ретагор оглушил его. После этого он оттащил всех троих, одного убитого и двух раненых, но потерявших сознание нападавших, подальше в кусты и бегом вернулся к монаху. Он не хотел, чтобы его нашли те, кто шли (если шли) на подмогу этим четверым, поэтому намеревался отнести его в сторону далеко от их пути следования. На погребение времени не оставалось, но он не мог не сделать своему бывшему попутчику и нанимателю того малого, что было в его силах.

Ретагор нырнул под сень веток бузины и склонился над телом монаха. Каково же было его удивление, когда он увидел, тот все еще жив, дышит и даже открыл глазами.

– Держитесь, – восхищенно проговорил он, продевая руку под шею духовника, чтобы приподнять и постараться выволочь его на открытое, более освещенное место. Там можно будет рассмотреть рану и попытаться что-то сделать. – Сейчас я вас вытащу.

Но монах захрипел и из последних сил отбросил руку Ретагора, а затем неожиданно ясным взглядом посмотрел на него. Тот знал, что рана монаха безусловно смертельна, потому что стрела пробила его тело в непосредственной близости от сердца, а потому с восхищением смотрел на то, как он борется со смертью. Но поведение монаха его сильно поразило.

– Не противьтесь, вы выкарабкаетесь. – И снова попытался приподнять грузное тело Анура.

– Брось! – Его тихий шепот сопровождался хрипом и свистом, а когда он заговорил, изо рта хлынула кровавая пена.

Плохо дело, подумал Ретагор, шансов никаких.

Монах не хуже него знал это. Тогда почему он так старательно цеплялся за жизнь? Анур очень скоро ответил на этот вопрос.

– Я не видел, но я слышал и понял, что ты доблестно сражался с этими негодяями, – проговорил он. Слова давались ему с трудом, между ними зависали долгие промежутки, но он очень старался, и Ретагор понял, что ему есть, что сказать. – Хотя мог согласиться на их условия. Ведь ты думал, что я мертв.

– Они бы все равно меня убили, – отозвался Ретагор.

Монах скорчил гримасу, как бы говоря, что это неважно.

– Мне говорили про тебя. Ты лучший. Я не верил. Теперь я это знаю, – продолжал монах. – Я доверю тебе то, что для меня дороже жизни. И я знаю, что ты выполнишь, что попрошу.

– Я обещаю, – сказал Ретагор. Его тронули слова монаха, как никогда и ничто в жизни. Когда человек, находясь при смерти, говорит такие слова, остаться равнодушным невозможно.

Монах кивнул, издав при этом глухой хрип.

– Я умираю. Мне осталось несколько минут. Ты возьмешь мой мешок и отнесешь в Велин. В нем находится ларец и кое-какие дорогие мне вещи. В таверне Морура меня ждет человек по имени Харник. Ты отдашь ему этот ларец и все остальное. Не пытайся открывать его ни в коем случае. Впрочем, его не открыть. Но не вздумай сломать его, чтобы узнать, что внутри!

На эту длинную тираду у Анура ушло несколько минут и, похоже, все силы.

– Мне это ни к чему, – вставил Ретагор. Он действительно не собирался совать нос в то, что его не касается. Ни в буквальном, ни в переносном смысле.

Однако Анур еще сказал не все:

– Передай Харнику... Это очень важно... Ключ, это ключ... Теперь у вас есть ключ, нужно найти, что он... открывает.

Анур, приподняв руку, с силой схватил Ретагора за ворот рубахи и притянул его к себе.

– Не ломай ларец. Возможно, ты обречешь себя на большие страдания, если это сделаешь. Я не знаю... никто не знает. А я не могу этого допустить. Ты доблестный человек. Благослови Господь твою душу!

В эту фразу монах вложил все свои оставшиеся силы, и это были последние слова, сказанные им. Ретагор аккуратно опустил его голову на землю и закрыл веки. Он выглянул наружу и по теням понял, что солнце уже перевалило зенит. До Велина идти не близко, еле успеет до темноты, да еще нежелательные гости могут пожаловать в любой момент – счастье, что еще не появились! – а значит, времени отдать монаху последнюю дань не остается. Ретагор не раздумывал долго. Он поправил на трупе рясу, несколько долгих мгновений смотрел на него, после чего перекинул мешок себе на плечо и двинулся в путь.

II

На окраине городища Велин Ретагор несколько сбавил темп ходьбы и постарался придать себе как можно более непринужденный вид. Здесь его почти никто не знал, тем более сейчас, когда уже стемнело, но он не хотел оставаться в памяти тех, кого он повстречает, как некто, кто очень спешил и выглядел нервным и возбужденным. Велин в радиусе ближайшего десятка лиг был самым крупным поселением, и это было видно по нему сразу. Мало того, что здесь можно было встретить купцов, путников и разный люд любого вида, но даже ширина улиц, деревянные срубы в два этажа, большие постоялые дворы и харчевни под открытым небом впечатляли его все те несколько раз, что он бывал здесь. Тут можно было встретить дома зажиточных горожан, построенных из камня, с балконами и внутренними двориками. Ретагор всегда чувствовал себя в Велине немного неуютно; ему было неприятно, что вокруг толчется столько народу, да еще тут было, по его мнению, слишком чисто и ухожено. Он привык больше к поселениям простым, низким домикам из бревен или глиняных кирпичей с пустыми черными дырами окон, узким улочкам, на которых всякой живности не меньше, чем людей, и человек не кажется таким мелким и ничтожным существом. В Велине это ощущение преследовало Ретагора даже сильнее, чем под сенью его любимых вековых деревьев, рядом с которыми действительно кажешься маленьким и слабым. Зато там нет чванливых горожан, которые кичатся собой так, что смотреть противно, думал Ретагор.

Но сейчас было уже темно, и он был больше озабочен тем, чтобы найти таверну Морура, о которой он впервые услышал от монаха, раньше он никогда о ней не слышал. Он было придвинулся к одному прохожему, чтобы поинтересоваться, где она находится, но резко отвернулся и замер на месте. Его пронзила мысль, которая кардинально изменила его планы. Он понял, что даже если найдет сейчас таверну, то поздний гость наверняка обратит на себя внимание, пойдут разговоры, а это ему совершенно ни к чему. С другой стороны, ночевать где-то все равно нужно, не в той таверне, так в другой, или на постоялом дворе, но везде на него могут обратить ненужное в данный момент внимание. В другой раз он наоборот никогда не избегал разговоров, возможных расспросов – хороший способ найти нанимателя, но только не сейчас. Даже если трупы в лесу не нашли вартовники и теперь не ищут убийц, то двое раненых, наверняка, уже пришли в себя, возможно, к ним кто-то присоединился, и вот их-то следует опасаться больше всего. Кроме жажды мести, они все еще, вероятно, надеются заполучить ларец монаха. Можно было бы выйти за пределы Велина и заночевать в окрестностях, и Ретагор даже всерьез стал думать об этом, когда он услышал шум разговора, смех и веселый гомон. Он повернул голову и увидел, что в его сторону направляются несколько темных фигур, громко переговариваясь. Ретагор было посторонился, чтобы их пропустить, когда услышал обрывок фразы, которую произнес молодой мужской голос, обращавшийся к одному из своих спутников:

– Я ведь говорил, что не нужно было останавливаться у того пастуха, теперь, в такую темень где мы будем искать эту таверну Марура?

– Морура, – поправил его женский, тоже молодой, звонкий голос и засмеялся: – Нектор, ты, всегда путаешь имена и названия!

Первый голос отозвался тоже со смехом:

– Какая разница? Марур – Морур. Все равно не найдем.

В разговор встрял более низкий голос, который посоветовал не кричать и заявил, что он-де говорил ведь, что знает дорогу.

Ретагор вмиг принял решение. Он пропустил группу впереди себя, потом направился за ними, отстав всего на несколько шагов. Его расчет был прост до наивности. Он намеревался дойти до таверны вслед за этими незнакомцами и затем войти с ними, так чтобы создалось впечатление, что он пришел вместе с ними. Им наверняка предоставят прежде всего отдель-

ный стол для ужина, а дальше – по обстоятельствам, можно будет и действительно к ним присоединиться под каким-нибудь предлогом, либо сразу отыскать Харника, передать ему ларец и покинуть таверну, даже не заночевав там. Главное – первый момент, говорил он себе. Если увидят, что он вошел вместе с группой из нескольких веселых гуляк, то и его припишут к ним и не обратят внимания. И если кто-то спросит потом, заходил ли одинокий путник, все ответят, что нет, не заходил.

Группа, которая, как теперь разглядел Ретагор, состояла из двух мужчин, одного помоложе и другого постарше, и трех молоденьких женщин, уверенно шла вперед, весело переговариваясь. До него доносились лишь обрывки фраз, в основном, болтали Нектор и одна из девушек. Мужчина постарше молчал и шел впереди, тщательно разглядывая дома и изредка меняя маршрут. Ретагор пытался внимательно прислушиваться к их разговору – это могло бы пригодиться, если возникнет необходимость, но посторонние звуки мешали ухватить нить разговора. Несмотря на то, что спустился уже глубокий вечер, Велин жил активной жизнью, и это было одним из того, что Ретагору не нравилось в городах и крупных деревнях. Он приучил себя к четкому режиму дня и ночи, он даже шутил иногда с друзьями, что с наступлением темноты жизнь для него останавливается до следующего утра. Странновато для лесного обитателя, но привычка – вторая натура. А то и первая.

Ретагор поправил на плече мешок монаха, провел рукой, чтобы проверить, не расслабился ли узел. Все в порядке. С того момента, как он покинул Анура и направился быстрым шагом в Велин, он лишь раз сделал короткую остановку. Тогда же он раскрыл мешок и коротко осмотрел его. Помимо ларца, ничего примечательного в нем не было. По крайней мере, для Ретагора. Поэтому он обратил свое внимание на ларец. Он был небольшим, можно даже сказать маленьким – мог уместиться на ладони, но в высоту был довольно внушительным. Ретагор никогда не видел таких вещиц, более того, он даже не смог разобраться, из какого материала он сделан. До этого если ему и попадались подобные безделушки, то они были либо из дерева, либо из камня, причем вторые представляли собой, как правило, большие домашние лари для хранения вещей, которые нельзя держать в деревянных сундуках, либо заморские вещицы из мрамора. А этот ларец был из незнакомого Ретагору материала, был весь покрыт замысловатыми узорами, но никаких явных рисунков на нем не было. На ощупь он был таким же гладким, каким бывает дерево только после длительной и упорной обработки, но этот ларец не был выпилен из дерева. У него была причудливого изгиба крышка, которая спереди на два пальца спускалась вниз и соединялась со стенкой вплотную так, что зазор можно было разглядеть, только внимательно приглядевшись. Ретагора поразило еще и то, что у ларца не было никакого навесного или иного замка, но при этом крышка была плотно закрыта, фактически заперта, потому что ни на какие усилия не поддавалась. Впрочем, Ретагор и не собирался открывать ларец – он прекрасно помнил свое обещание, данное монаху. Он помнил также и предостережение того, но ни тогда, ни сейчас не относился к нему серьезно, а лишь как к дополнительной и, наверняка, мнимой угрозе, к которой Анур явно прибег, чтобы просто напугать Ретагора. Так, на всякий случай.

Резкий окрик оторвал его от размышлений, которым он предался, бредя за группой молодых людей, стараясь не отставать, но и не приближаться более чем на десяток шагов. Однако задумался он чересчур глубоко, потому что выяснилось, что группа остановилась, и Ретагор налетел на Нектора. Вблизи тот оказался совсем молодым парнем с белокурыми волосами, высоким и на вид довольно крепким.

– Простите, я задумался, – проговорил Ретагор вполголоса, не поднимая головы, и собиравшись было идти дальше, точнее сделать вид, что идет дальше, когда одна из девушек сказала:

– Ну вот и пришли. Рангор не ошибся. У-у, как хочу есть!

Ретагор встрепенулся. Он поднял голову: они столпились перед полукруглым входом в деревянной ограде, на которой было написано «У Морура». В глубине угадывался темный

двор, а дальше – сама таверна, скорее, даже самая настоящая гостиница, потому что для обычной таверны сруб был чересчур велик и высок.

– Надеюсь, здесь найдется местечко, – обронил Ретагор, ни к кому, как будто бы не обращаясь.

– Ой, а вы тоже искали эту харчевню? – спросила одна из девушек, невысокого роста, стройная, в длинных широких штанах и яркой блузке. Она улыбалась, и лицо ее выглядело не просто красивым, а словно произведение искусства, вылепленное гениальным художником. Ретагор насилу оторвался от лицезрения ее лица и ответил:

– Насколько я понимаю, она совсем даже не харчевня. Я искал гостиницу попроще, и мне посоветовали заглянуть сюда.

– И правильно сделали, незнакомец, – заявил Нектор. – Я, правда, здесь никогда не был, но вот Рангор – знаток всех заведений в округе. Правда, большей частью это такие заведения, где нельзя быть уверенным, что не только кошелек будет на месте, когда проснешься, но и голова. – Он хохотнул и предложил войти внутрь.

Все получилось как нельзя лучше. Теперь он не просто делал вид, что пришел вместе с группой, но действительно с ними вошел, при этом непринужденно переговариваясь с Нектором и той девушкой, которая первая с ним заговорила. Войдя в ворота, они оказались в обширном дворе, и Ретагор понял, почему эта таверна привлекает гостей даже среди ночи. В отличие от многих подобных заведений, двор оказался чистым, ухоженным, кругом были посажены цветочные кусты, и более того там и здесь были расставлены большие столы со скамьями, большинство из которых сейчас были заняты. Двор был хорошо освещен не только факелами, а также фонарями, подвешенными над столами, но свет шел еще и из невысоких каменных жаровень.

Они остановились посреди двора, а Рангор пошел договариваться с хозяином насчет ужина и ночлега. Через пару минут он вернулся вместе с дородным бородатым мужчиной с добродушной улыбкой на лице, хлопотливо потиравшем руки. Подойдя, он радушно пригласил всех сесть за стол, задал несколько вопросов Рангору, интимно наклонясь к уху, и был таков.

– Думаю, от нескольких кусков прожаренного кабанчика никто не откажется, – полувопросительным тоном произнес Рангор, когда тот отошел, поглядывая прежде всего на Ретагора.

– Я бы проглотила бы сейчас кабанчика целиком, – весело провозгласила девушка, привлекая внимание Ретагора.

Как-то само собой получилось, что он тоже уселся вместе с ними. Никто не спрашивал его ни о чем, не задавал вопросов, даже не удивлялся, что какой-то незнакомец столь «ненавязчиво» присоединился к их компании. Ретагор посчитал своим долгом это положение подправить, и если окажется, что он им мешает, то теперь уже можно незаметно для окружающих уединиться. Впрочем, глядя на девушку, он понимал, что этого ему делать вовсе не хочется.

Он повернулся к Рангору, которого принял если и не за главного в этой группе, то уж точно за самого старшего.

– Простите, что не представился сразу, так уж вышло. Я Ретагор, занимаюсь тем, что нахожу дорогу там, где ее, казалось бы, нет, – произнес он с открытой улыбкой.

– Рад знакомству, – ответил Рангор и стал представлять своих молодых товарищей: – Нектор, Арлетт, Корвина и Эльза. – Говоря это, он проводил рукой по дуге, а тот, чье имя он называл, церемонно кивал.

Когда процедура знакомства закончилась, Арлетт – та девушка, которая привлекла внимание Ретагора настолько, что он постоянно ловил себя на том, что бесцеремонно, до неприличия смотрит на нее, поинтересовалась, что это за странное занятие, искать дорогу, там, где ее нет.

Ретагор рассмеялся и собирался ответить, но в этот момент к их столу подошла девушка в ярком свободном одеянии и стала расставлять на столе блюда с закусками, поставила большой кувшин с вином и бокалы на короткой ножке. Когда она отошла все принялись за еду, а Ретагор сказал:

– Вообще-то я не совсем верно выразился, друзья.

– А как же будет верно выразиться? – игриво спросила Арлетт.

– Я охотник, но кроме этого нанимаюсь к разным путникам в качестве проводника, – объяснил Ретагор. – Иногда приходится делать длинные концы, но мне нравится.

– И часто вы этим занимаетесь? – поинтересовался Нектор.

Ретагор на миг задумался. Он любил поговорить о своем увлечении, или даже работе, как он ее называл, но стоит ли раскрывать все свои тайны первым встречным? Впрочем, они люди радушные и, кажется, безвредные.

– Довольно часто, – честно ответил он. – Вообще-то меня нанимают не только в качестве проводника, но и в качестве...

– Телохранителя, – закончил Нектор, понимающе кивнув. – Это и неудивительно. Сейчас далеко небезопасно бродить по здешним местам. Да и ни по каким иным. Разбойников и грабителей развелось, как я слышал, просто жуть. А вам часто встречаются лесные лиходеи?

Ретагор покачал головой.

– Я стараюсь не попадаться им на глаза. Мое дело не столько защищать своего нанимателя, сколько постараться избежать ненужных встреч, поэтому хожу непротоптанными путями. Вот и сказал, что ищу дорогу там, где ее нет.

Рангор пристально посмотрел на него поверх бокала, прихлебывая тепловатое терпкое вино.

– Если не ошибаюсь, у вас в ножнах меч, на спине, если не ошибаюсь еще один короткий, за поясом под рубахой нож, краги на предплечьях и еще, возможно, кое-что, чего я не успел заметить, дорогой Ретагор. Так что, наверняка, вам все-таки приходится вступать в стычки. Или вы просто так все это с собой носите?

– Да уж, иногда приходится, – с улыбкой ответил Ретагор, а про себя подумал, что Рангор чересчур зоркий – как бы это не стало опасным. Может, стоит уже деликатно их покинуть? Хотя очень уж не хочется. Арлетт...

Рангор, словно бы, прочитал его мысли, по крайней мере, уловил то, что Ретагор вдруг невольно несколько напрягся и помрачнел, и, положив ему руку на плечо, добродушно проговорил:

– У каждого из нас свои тайны, любезный. Расслабьтесь, вы в кругу друзей. Хотя мы и знакомы всего ничего, но вы мне искренне симпатичны.

А Арлетт, сидевшая напротив него, протянула руку и положила свою ладонь на его.

– И мне тоже...

Что это, свет в жаровнях стал ярче? Ретагор внутренне улыбнулся. Ты уже не мальчик, далеко не мальчик, а почему от легкого прикосновения понравившейся девушки глаза твои заблестели, а кровь забегала быстрее, спросил он себя.

– А вот я слышала, – вдруг вставила другая девушка, Эльза, довольно блеклая блондинка с глуповатым лицом, – что в лесу появились чудовища.

– Ага! – воскликнул Нектор. – Эдакие жуткие твари с двумя головами верхом на огнедышащем драконе. Эльзочка, это все сказки.

– Помолчи, – оборвал его Рангор. – Ты забыл, что произошло со Страбом?

– Да ладно вам! – уже тише, но все еще довольно громко проговорил Нектор. – Это просто медведи...

– Ему снесли голову, – сказал Рангор, обращаясь к Ретагору. – Причем не мечом, не топором, непонятно, как. Просто смяли, словно гнилую тыкву. И ни рук, ни ног целых у него тоже не осталось.

– Дядя! Мы же за столом, – негодуя закричала Корвина.

Но Рангор продолжал. Он заметил заинтересованный взгляд Ретагора.

– Мы обыскали всю округу в поисках того, кто это сделал, но никакого не нашли. А на следующий день встретили мальчонку. Лет семи. Он прятался в норе, весь грязный и не из наших краев. Толком он ничего сказать не мог, настолько был напуган, но мы поняли, что он видел кого-то ужасного, не людей, не зверей. Он так и лопотал: «Не люди, не звери». На двух ногах, но покрытые шерстью.

– Если вы не смените тему, я встану и уйду, – заявила Корвина. Она заметно побледнела, и было видно, что ей не по себе.

– Ладно, договорим позже, – кинул Рангор и потянулся за кувшином с вином.

Ужин непринужденно продолжался. Ретагору было очень интересно, что собой представляет эта группа людей, на ночь глядя пришедшая в Велин, но при этом чувствующая себя здесь вполне уютно и свободно. Он не замедлил поинтересоваться этим. Случайно ли, что ему ответила Арлетт, или она, как и он, не упускала малейшего случая, чтобы перекинулся с ним словом?

– Мы живем здесь неподалеку, в маленькой деревеньке..., – начала она.

– Проклятой дыре! – гневно воскликнул Нектор.

Арлетт только махнула на него рукой и вновь обернулась к Ретагору:

– В маленькой милой деревеньке. Но вот развлечений у нас никаких – а тут ярмарка и фестиваль! Хотели придти завтра утром, а потом подумали, а вдруг все лучшее уже расхватают. Все интересное пропустим.

– Ярмарка? – переспросил Ретагор.

– Ну конечно! А ты не знаешь разве? – Каким непринужденным и естественным выглядел этот переход на «ты»!

– Нет. Так значит, завтра здесь будут веселья?

– Еще какие! – воскликнул Нектор. Было видно, что молодые люди, действительно, с нетерпением ждут завтрашнего дня. Ретагор продолжал обращать внимание на то, что в них нет ничего напускного, их радушие было искренним, и ему было с ними естественно и спокойно.

Пока вновь появившаяся девушка в ярком наряде по просьбе Рангора убирала со стола, затем принесла еще один кувшин с вином и вазу с фруктами, Ретагор думал о том, что сейчас можно сделать то, для чего он здесь появился, и выполнить таким образом обещание, данное монаху перед его смертью. А после этого я свободен, почему бы не присоединиться к ним, тем более, что они вовсе не против.

В этот момент Арлетт опять повернулась к нему, хотя до этого наблюдала за весельем за одним из столов, где такая же группа молодежи громко разговаривала и смеялась.

– Ретагор, а можно поинтересоваться, что вас сюда привело? Если вы даже не в курсе, что завтра будет ярмарка? – спросила она.

Сначала он хотел было соврать что-нибудь нейтральное, но тут же осознал, что это ни к чему, да и придумать нечто правдоподобное будет сложно, особенно после того, как он рассказал о своем образе жизни и своих занятиях. Поэтому он решил сказать полуправду:

– Сопровождал сюда одного торговца и его слугу. Почему-то он опасался и просил вести их самыми тайными тропками, точнее даже, нехоженым путем.

– Понятно, – отозвался Нектор и добавил: – Значит, теперь вы свободны?

Ретагор кивнул. А Нектор неожиданно предложил:

– Тогда, может, вы присоединитесь к нам завтра.

– С удовольствием, спасибо, – поблагодарил Ретагор. Ему вновь стало легко и приятно в этой кампании, он почувствовал новый прилив сил и желаний, как бывало с ним каждый раз перед какой-либо приятной затеей. Кошелек, благодаря нескольким удачным сделкам с покупателями енотовых шкурок и плате, полученной от монаха, был полон, впереди много приятного, свободного времяпрепровождения, почему бы у него не должно быть хорошего настроения. Только вот ему осталось сделать еще одно маленькое дело.

Он повернулся к своим новым друзьям и сказал, приподнимаясь:

– Простите, я ненадолго вас покину, мне нужно встретиться с одним человеком и передать ему кое-что.

– Надеюсь, ты недолго? – сказала Арлетт, блеснув на него своими яркими глазами. В этот миг ему и вовсе расхотелось куда бы то ни было уходить, но долг требовал выполнить обещание. Отдам ларец и свободен, говорил он себе.

Ретагор встал из-за стола, вновь добавив, что он ненадолго, перекинул мешок Анура через локоть и направился внутрь харчевни, вход в которую находился в глубине двора. Однако вначале он ошибся и вошел не в ту дверь, которая оказалась входом в гостиницу, имевшей два этажа и выглядевшей вполне опрятно и пристойно. Найдя наконец вход в харчевню, он вошел и оказался в большом просторном зале, где тоже, как и во дворе, стояли столы, но людей здесь было значительно меньше, чем снаружи. Что и понятно, подумал Ретагор, в такой теплый летний вечер сидеть под открытым небом много приятнее. Он прошел через зал к стойке, рядом с которой располагался полукруглый большой стол, уставленный бутылками, кувшинами и небольшими бочонками. За ним сидел тот самый дородный хозяин, который подходил к ним раньше. Перед ним лежали какие-то клочки бумаги, которые он со вниманием рассматривал, время от времени спрашивая о чем-то своих помощниц. Когда Ретагор подошел к нему, хозяин неожиданно вздрогнул.

– Извините меня, – начал Ретагор, – мне нужен один человек, который остановился у вас.

Ретагор заметил, что при этих словах Морур несколько изменился в лице, обычное добродушие его сразу увяло, уступив место пристальному изучающему взгляду. Было понятно, что он может и вовсе отказать Ретагору в его просьбе.

– Слушаю вас, – холодно проговорил Морур.

– Его зовут Харник, и мне нужно с ним встретиться, – сказал Ретагор вполголоса, чтобы его не слышали люди, сидевшие за ближайшими столиками.

Морур долгим взглядом посмотрел на него снизу вверх, потом пожал плечами и проговорил:

– Вам-то нужно, а вот нужно ли ему с вами встречаться? Вот этого я не знаю.

Ретагор мысленно ему зааплодировал: Морур всячески старался оберегать покой своих постояльцев и гостей, готов был пойти даже на конфликт, чтобы помочь избежать одному из них неприятного, возможно, разговора.

– Поймите меня правильно, любезный, – продолжал Морур, поднимаясь и глядя куда-то в сторону. – Я вас не знаю. Этого Харника я тоже не знаю. Но если вы говорите, что он остановился у меня, и если это действительно окажется так, то он мой гость, как и вы, а если выяснится, что у него нет желания с вами встречаться? Согласитесь, что моя прямая обязанность уберечь его от этого. Тем более что вы не знаете его в лицо, судя по всему – я обратил внимание, что вы даже не пытались найти его среди моих посетителей.

– Вы совершенно правы, дорогой Морур, только вот упускаете одну вещь: раз я ищу его у вас, значит, я знаю о том, что он у вас остановился, а значит, либо мне назначено, либо меня кто-то послал.

Морур посмотрел на Ретагора в упор и покачал головой. Было заметно, что его доводы никакого впечатления не произвели. Последовавшая фраза только подтвердила это:

– Ничем не могу вам помочь, уважаемый. Но вы не расстраивайтесь: я поступлю точно так же и в отношении к вам. Это мой принцип.

– Рад слышать. Только вот давайте все-таки попробуем еще раз. Я сейчас выйду и присоединюсь к своим друзьям, чтобы не путать вам карты. А вы отыщите Харника и скажите ему одно: «Пришел человек от Анура. Анур придти не сможет». Все. Если после этого выяснится, что мне по-прежнему невозможно с ним увидеться, больше я об этом не заговорю, даже более того, покину вашу гостиницу немедленно.

С этими словами Ретагор повернулся и степенным шагом вышел из харчевни. На веранде он на миг задержался, подняв голову и с удовольствием вдыхая запахи ночного воздуха. Потом он быстро зашагал к столу, за которым сидела Арлетт со своими друзьями. Она приветствовала его, махая рукой и кокетливо покачивая головой. Он улыбнулся в ответ и присел рядом.

– Закончил свои дела? – тихо спросила она, наклоняясь к его плечу.

Рангор, Нектор и две девушки вели негромкий разговор, обсуждая план завтрашнего дня. Рангор, видимо, позабыл о своем намерении поговорить попозже о происшествии в окрестностях их деревни, про найденного мальчика и чудовищ, а Ретагор решил не напоминать. Сама тема его, может, и интересовала, но только не сейчас. Сейчас у него было занятие поинтереснее...

Девушки посмотрели на свою подругу и двусмысленно рассмеялись. Ретагор заметил, что ни Рангор, ни Нектор не обращают никакого внимания на факт некоторого сближения между ним и Арлетт, из чего Ретагор сделал вывод, что ни у одного из них нет каких-либо намерений насчет нее. Тем лучше, думалось Ретагору, они хорошие ребята, я не стал бы переходить дорогу ни тому, ни другому. Но, похоже, оба мужчин весьма равнодушно относились к своим спутницам и вели себя чисто по-дружески, а Рангор и вовсе по-отечески. Впоследствии, Ретагор узнал, что у Рангора дома красавица жена с двумя ребятишками, одна из девушек – сестра его жены, и именно она послала своего мужа сопровождать девушек на праздник и опекать их. Нектор же присоединился к их компании по просьбе Рангора, которому вовсе не улыбалось в одиночку следить за тремя молоденькими и хорошенькими девушками в большом городе, полном сомнительных личностей.

Ретагор с нежностью посмотрел на Арлетт, что получилось у него само собой, естественно и непринужденно.

– Не совсем. Мне нужно кое-кому кое-что передать, но я не знаю, здесь он или нет.

Арлетт рассмеялась.

– «Кое-кому кое-что»! Ты всегда так понятно выражаешься?

– Только когда приходится, – ответил Ретагор и, переведя взгляд, заметил, что к их столу приближается Морур собственной персоной. – Ага. Кажется, сейчас мне вновь придется тебя покинуть. Вы пока здесь?

Арлетт покачала головой:

– Рангор снял три комнаты – одну для нас троих, другую – для себя и Нектора, а третью – для тебя, и они уже собирались уходить, когда ты вернулся. Так что мы, наверное, пойдем, а ты спросишь у хозяина, где твоя комната, ладно? Наша будет по соседству, – игриво и двусмысленно добавила она.

Действительно, Ретагор не обратил внимания раньше, но все уже собирались вставать из-за стола. Нектор обратился к Ретагору:

– Увидимся утром, дружище. Смотрите, никуда не вздумайте уходить, завтра повеселимся.

Ретагор улыбнулся и кивнул, краем глаза наблюдая, как Морур, видя, что они разговаривают, и он еще не остался один, несколько убавил шаг и теперь медленно направлялся в его сторону.

– Не сдвинуь с места, – пообещал Ретагор. – Утром увидимся.

Морур дождался, когда все четверо направились к внушительной по размеру гостинице, а Арлетт при этом обернулась и помахала ему рукой, и только после этого вплотную приблизился к нему. Вид у него был серьезный и даже какой-то смущенный.

– Я передал этому человеку ваши слова, и он просил немедленно проводить вас к нему.

Ретагор кивнул и, подхватив мешок, двинулся с Моруром в сторону таверны. Это удивило Ретагора, и он спросил хозяина, почему они идут туда, а не в гостиницу.

– Харник, которого, если честно, я знаю уже давно, один из моих уважаемый гостей, и я его поселяю вдали от посторонних глаз, – пояснил Морур. Затем, немного помявшись, спросил: – А кто такой этот Анур?

– А что? – настороженно спросил Ретагор в свою очередь.

Морур почти испуганно огляделся по сторонам и шепотом произнес:

– Просто Харник очень беспокоился от известия, что тот не придет.

Ретагор широко улыбнулся и положил руку взволнованному хозяину харчевни на плечо:

– Прошу прощения, но у меня тоже есть свой кодекс чести, не позволяющий рассказывать о своих клиентах.

Морур промолчал и посторонился – они как раз входили в зал харчевни. Не обращая ни на кого внимания, они проследовали в дальний конец, где обнаружилась почти неприметная дверь. Морур открыл ее, и они оказались внутри небольшого дворика.

– Здесь у меня несколько комнат для особых гостей, – объяснил он. – Сюда можно пройти и с внешней стороны, обойдя гостиницу, но тогда мы могли бы привлечь внимание. А это, как я понял, ни к чему ни вам, ни Харнику.

– Вы рассудили правильно, благодарю, – рассеянно произнес Ретагор, оглядываясь по сторонам.

Здесь было всего несколько светильников по стенам, дававших тусклый свет, поэтому он мало что смог рассмотреть, но Морур ориентировался превосходно. Ретагор понял, что комнаты для постояльцев расположены здесь по левую руку, напротив гостиницы, каждая имеет отдельный выход во внутренний двор, в котором росли несколько невысоких, но кустистых деревьев.

Морур подошел к одной из комнат, увенчанной неприметной деревянной дверью с внешним засовом и постучал. И сразу же вслед за этим, распахнул дверь, пропустил Ретагора вперед, а затем вошел и сам. Убранство комнаты поразило Ретагора своей роскошью, даже некоторой изысканностью. Помимо кровати с балдахином здесь располагался небольшой полукруглый столик с двумя изящными креслами, высокая тумба, уставленная безделушками, тяжелые гардины полностью закрывали единственное окно, а пол был устлан толстым ковром в темных тонах. Множество свечей в нескольких больших подсвечниках давали яркий свет и дополняли уютную обстановку комнаты.

В дальнем конце комнаты стоял невысокий худощавый человек в черном камзоле с длинными неопределенного цвета волосами, падавшими на плечи, и что-то рассматривал, держа в руке. Когда дверь открылась, и Ретагор с Моруром вошли внутрь, человек немедленно обернулся, и Ретагор увидел, что это мужчина около пятидесяти лет с жестким, угрюмым лицом человека, привыкшего отдавать приказы и получать их безоговорочное исполнение. При этом его крупные глаза смотрели скорее иронично, нежели строго или надменно, а тонкие черты лица говорили о благородном происхождении этого человека. Ретагор сразу почувствовал себя крайне неудобно, ему захотелось как можно скорее выполнить свою миссию и вновь вернуться в мир, к которому он привык, простому и незатейливому, миру, где есть место для примитивных желаний, ярмарок и веселых развлечений, миру, где, как он надеялся, его ждет Арлетт. Минутная слабость и неуверенность в себе не ускользнула от Харника, который резко взглянул на Ретагора, и неодобрительно прищурился.

– Вот человек, который вас спрашивал, – услужливым тоном проговорил Морур, отходя в сторонку.

– Благодарю вас, Морур, – произнес Харник, у которого обнаружился вполне соответствовавший его комплекции высокий, даже чуть истеричный голос. – А теперь оставьте нас.

Морур быстро вывалился из комнаты и плотно прикрыл за собой дверь. Харник сделал несколько шагов, продолжая пытливо и оценивающе разглядывать пришельца, а Ретагор в свою очередь старался держаться как можно более уверенно и не поддаваться гнетущему давлению, которое, казалось бы, волнами исходило от этого человека.

– Садитесь. – Тон не был приказным в полном понимании, но возражений не терпел.

Ретагор уселся в одно из кресел перед столиком и закинул ногу на ногу. Кто бы он ни был, этот Харник, он ему не господин, и вести себя подобострастно Ретагор не собирался. Харник тем временем налил в два инкрустированных бокала вино из прозрачного графина и протянул один из них Ретагору. После чего сам сел в другое кресло и ожидающе уставился на своего гостя.

– Итак, должен признать, что меня очень озадачили ваши слова, что Анур не сможет прийти, – заговорил Харник, продолжая в упор разглядывать Ретагора. – Более того, я удивлен, что кто-то, я имею в виду вас, вообще про него знает. Буду вам признателен, если вы объясните мне все это.

Ретагор сделал глоток. Не столько потому, что хотел пить, сколько чтобы показать, что чувствует себя вполне комфортно и готов разговаривать только на равных. Тем более, если он правильно все понял из обрывочных фраз Анура, он делает большую услугу и покойному монаху, и этому странному человеку. Отпив глоток вина, Ретагор проговорил:

– Я не знаю, какие отношения и дела связывали вас с Ануром, но если вы его друг, или у вас были общие интересы и дела, то скажу, что принес вам в таком случае недобрые вести. Если же вы его враг или недоброжелатель, эти вести вас, напротив, должны порадовать.

Харник напрягся, выпрямился в кресле, пальцы вцепились в подлокотник.

– Что с ним? Где он?

Они действительно друзья или единомышленники, мелькнуло у Ретагора, увидевшего такую реакцию. И он решил говорить помягче, а потому начал по порядку.

– Я простой охотник, занимаюсь своим нехитрым промыслом, но кроме этого нанимаюсь к разным людям, которым нужно безопасно или незаметно путешествовать. Анур нанял меня в Готибрайе, я должен был провести его до Велина так, чтобы никто нас не видел. В одном дне пути от Велина нас поджидала засада. Может, они шли за нами, но это вряд ли, а может все-таки им удалось нас выследить, хотя не представляю, как. Их было четверо, и Анур был убит стрелой...

При этих словах Ретагор заметил, что Харник как-то сразу обмяк. Он приложил ладонь к лицу и несколько мгновений просидел в такой позе. Потом поднял глаза, в которых вот-вот готовы были навернуться слезы. Для Ретагора это оказалось настолько неожиданным, что он уставился на Харника, не веря собственному зрению. А тот проговорил тихим убитым горем голосом:

– Господь Всемогуший... Это ужасная весть. Это... все, теперь все пойдет прахом. Все наши старания... Теперь страданий всем не избежать.

Выслушав эту бессвязную речь, Ретагор продолжал:

– Двоих из них я убил, еще двое были ранены, что стало с ними, я не знаю.

Харник практически не слушал его, он погрузился в раздумья, потом вдруг встряхнулся и повернул к Ретагору свое искаженное горем лицо:

– Как вы узнали, что должны прийти сюда? Вообще, расскажите дальше.

– Как я сказал, двоих я убил, двоих ранил, после чего вернулся к Ануру, которого считал уже мертвым. Но он держался до последнего. Он наказал мне увидеться с вами и передать вам то, что он нес с собой.

Тут Харник вскочил на ноги и, оперевшись в столик между ними, вперил в Ретагора горящий взгляд своих расширившихся зрачков.

– Так он все-таки нес сюда...! – он не договорил, потом добавил громким шепотом: – Ларец! Он нес ларец! Раз вы здесь, вы знаете об этом.

Ретагор перекинул мешок и положил его на столик. Потом подвинул его в сторону Харника, который при этом медленно опустился в свое кресло и, как зачарованный, уставился на него.

– Здесь несколько свитков, еще кое-какие мелочи и ларец, о котором вы говорите, и который Амур наказал мне беречь, как зеницу ока, – с некоторой усталостью в голосе проговорил Ретагор, потом взял бокал и сделал глубокий глоток, откинувшись на спинку сиденья.

Харник нерешительно протянул руки к мешку, положил их на него и, подняв лицо к потолку, громко выдохнул:

– Боже милостивый! Благодарю! Благодарю! – А затем резко посмотрел на Ретагора и добавил: – А вас благодарю особо, дорогой мой человек! От лица... от лица... нет, я не вправе этого говорить, но примите мою... нашу искреннюю благодарность!

Если бы Ретагор был менее толстокож и более сентиментален, он бы непременно покраснел, настолько эти слова прозвучали искренне, чувственно, от всего сердца. Ретагор ощутил, как мягкое тепло растеклось по его груди. Он захотел как-то сгладить все, что происходило, он не любил, когда люди так уж чересчур считают себя ему обязанными.

– Я всего лишь выполнил обещание, данное человеку перед смертью. Мне было несложно, поверьте.

Харник вновь пристально посмотрел на него и проговорил:

– Вы подвергались смертельной опасности и подвергаетесь до сих пор, друг мой. На вас напали не простые грабители, а если и они, то действовали по наущению лю... нет, не людей, просто тех, кто считает своим долгом помешать нам – я уверен в этом. И меня удивляет, что вы, зная это, – ведь вы догадывались об этом, не так ли? – все равно взяли за это опасное поручение. Вы храбрый человек.

Сказав это, Харник раскрыл мешок и бережно, по одному, стал вынимать из него вещи. Личные вещи, свитки, молитвенник, еще одна книга и наконец, ларец. Когда он взял его в руки, в каждом его движении чувствовалось благоговение.

– Вы не открывали его? – спросил он, но тут же сам ответил: – Хотя, что это я спрашиваю? Разумеется, нет. Его невозможно открыть. Разве что сломав его, а он цел и невредим. – Он искоса посмотрел на Ретагора, прищурив глаза: – Я несколько ошибся: вы не только храбрый, но честный человек.

Ретагор пожал плечами и налил себе еще вина, он чувствовал жажду, словно не пил ничего целую вечность.

– Не отнекивайтесь, друг мой. – Харник отложил ларец в сторону, выглядел уже значительно успокоившимся и опять пристально смотрел на Ретагора, но прежней почти враждебности и настороженности в его взгляде уже не было. – Ведь вы могли подумать, что в ларце какое-нибудь сокровище, большая ценность, раз за ними охотятся. Взять да и сломать его. Не правда ли?

Ретагор покачал головой.

– Человек не думает о сокровищах на пороге смерти. Он думает о чем-то много более важном. А если просит сберечь это и передать кому-то, значит, еще более важном, чем можно представить. К тому же Амур сказал кое-что перед смертью.

Харник резко вскинулся.

– Что?

– Он просил передать на словах. Теперь у вас есть ключ, нужно найти, что он открывает, – произнес Ретагор.

Харник сморщил лоб.

– Что же он имел ввиду?

Ретагор лишь мог пожать плечами:

– Не знаю, но видимо, что-то очень важное.

– Вам невозможно представить, насколько важное, – торжественно проговорил Харник, бросив взгляд в сторону ларца. – Но я не представляю, что это за ключ. У нас в Хун... там, где я живу, много ключей, но что именно он имел ввиду...

– Может нападавшие в курсе? – предположил Ретагор. – Они говорили именно о том, что Анур нес собой. И тем подтвердили, что там нечто очень важное.

Харник шутливо погрозил Ретагору пальцем:

– Тогда вы и вовсе принижаете свои заслуги. Ведь вы напали на убийц Анура уже после того, как решили, что он убит, не так ли?

– Верно.

– Но до того, как Анур поручил принести ларец мне.

– Тоже верно.

– Что-то мне подсказывает, что они пытались с вами договориться.

Ретагор улыбнулся.

– Так и было.

– Так почему вы не согласились?

– Что бы это ни было, Ануру это было очень дорого, я не мог отдать это.

Харник пристально посмотрел на Ретагора.

– Знаете, я давно не встречал таких людей, как вы. Вы человек слова, храбрый, решительный, ведете, как я понял, незатейливый образ жизни, и, по-моему, совершенно лишены честолюбия.

– В последнем вы ошибаетесь. Если под честолюбием понимается грабить мертвецов, то да, но ведь это не так. Я хочу стать лучшим, чем бы ни занимался, но не за счет других. Я хочу разбогатеть – а кто не хочет? – но не за счет грабежа или воровства. Разве это не честолюбие?

– Поразительно! Вы рассуждаете, друг мой, как ученый муж, как просвященный философ, а при этом я уверен, что вы не умеете читать.

– Вновь ошибка – я умею читать и писать, хотя до сих пор особой пользы мне это не приносило.

Харник покачал головой:

– Вы человек-загадка. Простой и одновременно сложный. Вот пример того, как опасно опираться на стереотипы.

– Что-то в этом роде сказал мне Анур утром, в день смерти, – с грустью в голосе проговорил Ретагор.

Харник глубоко вздохнул и задумчиво потер руки.

– Да-а. Смерть Анура это большая потеря, очень большая. – Потом повернул к Ретагору лицо и спросил: – Каковы ваши планы на будущее, друг мой?

Ретагор пожал плечами, слегка удивленный таким вопросом. Дело в том, что по тону было видно, что вопрос этот задан не из праздного любопытства.

– Завтра праздник, собираюсь на нем повеселиться, ну а потом, не знаю... я человек вольный, да и без дела не останусь.

Харник, не перебивая, выслушал, после чего встал, подошел к окну и отдернул гардины. Уже была глубокая ночь, за окном было темно, но, похоже, Харника это не интересовало. Он

открыл окно, и, не мигая, уставился наружу. Затем он поднял голову, шумно вдохнул свежего ночного воздуха и повернулся к Ретагору.

– Мы очень нуждаемся в таких людях, как вы. Мы потеряли Анура, и это потеря ужасная. Однако Бог посылает мне такого человека, как вы, и я не имею права этим не воспользоваться. Я предлагаю вам нечто очень серьезное, хотя и очень опасное, но мне кажется, что опасностей вы не боитесь.

Ретагору было приятно слышать эти слова, и он воспринял их и предложение Харника довольно серьезно. Но он сразу понял, что это не для него, ему даже было неинтересно выяснять, что именно предлагается ему: стать слугой, помощником, посыльным, охранником, телохранителем или еще что-то – он хотел остаться вольным человеком, который ни перед кем ни в отчете, и ни кому не обязан. Однако Харник говорил искренне, и обижать его не хотелось, не хотелось портить последние минуты встречи, пусть даже они больше не увидятся. Поэтому он собрал всю деликатность, которой наградила его природа и частое общение с различными людьми, в том числе и нанимателями, и произнес:

– Мне очень лестно то, что вы предлагаете, хотя я и не совсем понимаю детали и подробности. Но, к сожалению, я вынужден отказаться – мне нравится тот образ жизни, который я веду, и уже не в том возрасте, чтобы что-то всерьез менять. Простите.

Он начал вставать. Харник подошел вплотную и положил ему руку на плечо. В этот момент он выглядел совсем не так, как тогда, когда Ретагор увидел его впервые. Сейчас он выглядел почти по-отечески. Он поднял голову, потому что был значительно ниже Ретагора и заглянул ему в глаза.

– Насколько я успел тебя узнать, уговаривать тебя нет смысла?

Ретагор сочувственно покачал головой.

– Очень жаль. Ну, так тому и быть. Остается последний вопрос: назови, какую награду ты хочешь за все, что ты сделал? И она может быть очень большой, потому что ты не представляешь, сколь важен твой поступок, и сколь высоко я ценю твою честность и отвагу.

Ретагор несколько опешил, потому что вообще не думал ни о какой награде, тем более, что Харник говорил именно о денежном вознаграждении. Но в какой-то миг его словно ударило какое-то озарение или, наоборот, нашло наваждение, но под воздействием некоего секундного порыва он вдруг произнес:

– Если вы хотите меня вознаградить, то вот моя цена – расскажите, что в ларце, и почему так важно его получить?

Харник не был удивлен ни на гран, словно даже ожидал подобного вопроса, но был непреклонен:

– Это невозможно, друг мой. Сожалею, но я не могу, нет, более того, я не в праве тебе ничего рассказать или объяснить.

Ретагор тоже не выглядел удивленным, скорее, он выглядел раздосадованным, что вообще спросил об этом. Он лишь улыбнулся и посмотрел на Харника, стараясь скрыть свою досаду.

– Тогда мне не нужно никакого вознаграждения – я его уже получил, исполнив волю умирающего. Прощайте!

Он повернулся, чтобы уйти, но рука Харника вновь легла на его плечо, на сей раз более настойчиво. Он сжал пальцы и слегка развернул Ретагора в свою сторону. Несмотря на свой вид, рука у него была тяжелая, а пальцы крепкие и полны неудержимой силы.

– погоди, – бросил Харник и сделал шаг в сторону. Там находилась тумба, а на ней лежал небольшой сундучок. Харник откинул крышку, вынул оттуда большой кошель, судя по весу набитый монетами, и протянул его Ретагору. Тот мог поклясться, что эта рука привыкла, если и давать деньги, то никак, не протягивая, а скорее бросая. Но в этот раз рука именно протяги-

вала, и это Ретагор сразу оценил. И деньги взял, хотя и не просил их, но от денег глупо отказываться, если они заработаны, и ты их не просил и не требовал.

– Возьми, сынок, будет на что развлечься, – улыбнулся Харник и добавил: – И помни всегда, что сегодня ты сделал, пожалуй, главное дело своей жизни. Храни тебя Господь!

Ретагор еще раз попрощался, толкнул дверь и вышел в ночь.

III

Утром, еще не встав с постели, Ретагор уже ощутил праздничное настроение. Это сказывалось не только в его нетерпении вновь увидиться с Арлетт, но прежде всего в звуках, доносившихся в открытое окно со двора гостиницы и чуть более приглушенные – с улицы. Если во дворе люди только громко разговаривали и весело шумели, с улицы доносилась музыка, гомон, барабанный перестук и звонкие напевы свирели.

Ретагор резко вскочил на ноги, оделся, нацепил оружие, постаравшись, как можно лучше спрятать его, чтобы не бросалось в глаза, и вышел из комнаты. Первым делом он обратил внимание на то, что двери обеих комнат по соседству распахнуты, и они пусты. Это значило, что его новые друзья уже проснулись и даже успели спуститься вниз. На миг у него мелькнула мысль, что они решили расстаться с ним и тихонько покинули гостиницу, и он быстрым шагом кинулся вниз по лестнице. Его опасения оказались напрасными.

Все пятеро сидели в зале харчевни и завтракали, причем, как было видно, девушки управились с этим занятием гораздо быстрее и теперь подгоняли Рангора и Нектора, нетерпеливо поглядывая в сторону выхода. Впрочем, к Арлетт это не относилось – Ретагор заметил, что ее взор устремлен в обратную сторону, туда, куда спускалась лестница со второго этажа. Увидев его, она радостно улыбнулась, как-то легко и непринужденно встрепенулась, провела рукой по волосам, и помахала ему рукой. Ретагор подошел к столу и поздоровался.

– Ты так громко храпел, что мы решили тебя не будить, – проговорил Нектор, что-то жуя.

Арлетт гневно метнула на него взгляд и сказала, чтобы он не болтал глупостей. Нектор толкнул локтем сидевшего рядом Рангора, и оба засмеялись.

– Ну что, пойдем, наконец? – воскликнула Корвина, самая младшая из всех. Именно она была родственницей Рангора.

– Сначала наш друг позавтракает, – назидательно произнес Рангор.

– Э-э, опять ждать! – Эльза чуть не плакала.

– Ждать не придется, – мягко сказал Ретагор, обращаясь к ней, – я не буду здесь завтракать, поем что-нибудь потом, по дороге. Вот только скажу несколько слов Моруру.

Он стал отходить от стола, когда Нектор крикнул ему вслед, чтобы не вздумал платить, они, мол, за все заплатили, а хозяин может это и малость «подзабыть» и взять плату и с него. Ретагор обернулся и улыбнулся в ответ на эту шутку. Он заметил, что она позабавила и Моруру, который сидел на том же месте, что и вчера вечером, только на сей раз не в окружении бочонков и кувшинов, а за пустым столом, но с кружкой браги в руке. Ретагор сел рядом и повернул к нему свое лицо.

– Вы очень помогли вчера, – проговорил он. – Хочу вас поблагодарить за это.

– Не стоит. Господин Харник сказал мне сегодня утром то же самое, – ответил тот, слегка наклонив голову.

– В таком случае, счастливо оставаться. И передайте ему привет.

– К сожалению, это невозможно – он уже ушел.

– Жаль.

Ретагор вернулся к Рангору и остальным, после чего они вышли из харчевни, пересекли шумный, полный людей двор гостиницы и вышли на улицу.

Здесь царил оживление, люди двигались в сторону главной площади города, где были раскинута палатки и шатры, на деревянном помосте бродячие актеры, менестрели и мимы забавляли публику; на примыкавших к площади улочках окрестные крестьяне, мелкие заезжие купцы и местные торговцы выставили свой разношерстный товар на самодельных лотках.

Рангор обернулся к своим спутникам.

– Давайте так, если вдруг разбредемся, к вечеру встречаемся у Морура, идет? – проговорил он.

Девушки и Нектор рассеянно кивнули. Тогда Рангор повернул лицо к Ретагору:

– А у тебя какие планы?

Тот пожал плечами.

– Если никаких, тоже придешь к Моруру, договорились?

– Договорились, – ответил Ретагор. У него действительно не было никаких планов, он лишь хотел приятно провести сегодняшний день, а что будет завтра – об этом он не задумывался.

Как-то само собой получилось, что Ретагор и Арлетт незаметно затерялись в толпе, предоставленные сами себе. Арлетт потянула его в сторону лотков с шелковыми платками и накидками, затем перешла в ряд, где продавали фрукты и пряности, и, наконец, они оказались в первых рядах перед театральным помостом. Но действие, разыгрываемое на сцене, быстро им наскучило, и Ретагор с Арлетт, держась за руки, вынырнули из толпы и подошли к переносной жаровне, где пожилой мужчина поджаривал куски мяса, заворачивал их в тонкие лепешки и, по желанию покупателей, посыпал всевозможными специями. Они купили по порции и, отойдя в сторонку, стали есть, с удовольствием смакуя каждый кусочек. От одобренного специями и пряностями мяса им захотелось пить, и они выпили по бокалу вина в открытом кабаке здесь же на ярмарочной площади.

– Устало выглядишь, – весело сказала Арлетт, протянув руку и поправив прядь волос, упавшую ему на лоб.

– Знаю, – ответил он. – Со мной всегда так – не люблю я большие скопления людей, они меня быстро утомляют.

– Странный ты, – проговорила она и с нежностью посмотрела на него.

Ретагор слегка вскинул брови и тоже взглянул ей прямо в глаза. Они стояли на углу одной из улочек, примыкавших к площади, разглядывая, как люди двигаются взад-вперед, покупают, продают, общаются, встречаются и расстаются. Он обнял ее за плечи и притянул к себе:

– Мне всегда хватало слов, а вот сейчас не хватает. Не знаешь, почему?

– А если и знаю, – кокетливо произнесла Арлетт, – то все равно не скажу. Сам догадайся...

Ретагор повернул Арлетт к себе, посмотрел на нее сверху вниз, он хотел что-то ей сказать, но ее замерший в ожидании взгляд смущал его, как никогда в жизни. У него вдруг ёкнуло сердце, он закинул ей вторую руку за спину и поцеловал ее долгим нежным поцелуем. Он боялся, что на этом все их знакомство закончится, пойдет прахом, но она ответила ему.

– А знаешь, – прошептала она, положив голову ему на грудь и заглядывая в глаза, – вчера я хотела к тебе придти. Но ты все не возвращался и не возвращался. Когда ты пришел в свою комнату, я уже спала. Твой разговор затянулся?

– Ты даже не представляешь, насколько. Сначала все никак не могли приступить к разговору, а потом никак не получалось закончить. А под конец я получил весьма занятное предложение.

Арлетт отодвинулась от него и ласково погрозила пальцем.

– Ты таинственный незнакомец. Говоришь загадками, ведешь себя странно. Все лесные бродяги такие?

Ретагор рассмеялся. Его позабавила, что она назвала его бродягой. Но ведь за исключением того, что у него в родной деревне осталась покосившаяся деревянная хибара, он действительно бродяга. Но потом внутренне нахмурился: девушки любят некую таинственность, то только в самом начале знакомства, подумал он, и если не хочешь ее оттолкнуть от себя, следует быть более откровенным. Тем более что не обязательно говорить все правду.

– А ты хочешь, чтобы я тебе рассказал, что к чему? – спросил он серьезно.

Арлетт пожала плечами, она не хотела выглядеть слишком любопытной.

– Тебе решать. Вообще-то, я не хочу лезть в твои дела...

– Еще как хочешь, – со смехом возразил он. – Пойдем отсюда, а? Я знаю тут за последними домами чудо-место.

– Чудо-место? Как интересно. Я знаю Велин вдоль и поперек, а его окрестности тем более, но ни о каком чудо-месте не слыхала.

Он наклонился к ее уху и нежно прошептал:

– Я тоже. Но оно, наверняка, есть, если мы это захотим.

Так, обнявшись, они пошли по узким улочкам, не обращая внимания на окружающих, хотя и те не обращали на них особого внимания. Через несколько минут они оказались на окраине Велина, перешли небольшой мостик через речку, которая омывала городище с одной стороны, и оказались перед широкой равниной с густой травой, на которой там-сям раскинули свои шатры прибывшие сюда на ярмарку торговцы и зажиточные поселяне из окрестных мест. Невдалеке начинался лес, который Ретагор знал значительно лучше самого города.

– Давай прогуляемся к опушке, – предложил он.

Арлетт с увлечением согласилась. Она была такой живой, заводной, затейливой, глаза ярко горели, что Ретагор рядом с ней стал чувствовать себя старым, удрученным и уставшим от жизни человеком, неисправимым циником. Он с каким-то неожиданным для самого себя ожесточением прижал Арлетт к себе так, что она с удивлением посмотрела на него, инстинктивно отстраняясь.

– Прости, не знаю, что на меня нашло, – пробормотал он, опустив глаза и убрав свою руку с ее талии. Но она вернула руку на место и посмотрела ему прямо в глаза.

– Обычно когда с кем-то знакомишься вот так вдруг, и этот человек тебе нравится, девушки стараются не быть обманутыми. А вот с тобой все так просто, даже не знаю, почему. Хотя нет, знаю. Ты похож на персонажей сказок, которые рассказывают детям, про лесных следопытов, охотников, отшельников. Ответь мне, почему ты всю жизнь сторонишься людей? Не возражай, я знаю, что это так.

Они подошли к опушке леса, который начинался прямо перед ними, а сзади осталась равнина, причем опушка была чуть на холме, ровно настолько, чтобы чувствовать себя немного выше. Он снял свою накидку, которую трудно было назвать чем-то другим, потому что у нее не было ни рукавов, ни капюшона, постелил ее прямо на траве и упал на нее, потянув за собой свою подругу.

– Ты не ответил. – Она приподнялась на локте и смотрела на него сверху вниз.

– Потому что сам не знаю. Сначала мне нравилось охотиться, ставить силки, а потом, наверное, просто отвык от людей, – ответил Ретагор. Он никогда всерьез не думал над этими вопросами, равно как и никогда не думал о своем будущем, о том, чтобы обзавестись семьей, поселиться где-то вроде этого Велина, вести торговлю или открыть кузницу, или еще что-нибудь в этом роде. Нет, все это было ему одинаково неинтересно и далеко. А ведь для большинства именно его образ жизни странен и удивителен. – Оставим это.

Он протянул руки и нежно обнял ее. Его губы целовали ее лицо, шею, руки нежно обнимали тело. Арлетт закрыла глаза и глубоко дышала. Потом нежно и мягко отстранила его руки и села. Она обхватила его за шею и притянула к себе.

– Еще совсем светло, дурачок, – прошептала она и потрепала его волосы. – Расскажи, что это за таинственная встреча у тебя была ночью. Уж, не с женщиной ли?

Губы ее смеялись, но глаза оставались серьезными – несмотря на шутливый тон, Ретагор понял, что ее это действительно волнует.

Он рассказал Арлетт почти всю правду, за исключением того, что в лесу были убиты люди. В этом эпизоде Ретагор опустил многое – в его интерпретации на них напали грабители и убили его нанимателя, затем, испугавшись этого, разбежались, а он, Ретагор, выполнил поручение.

чение умирающего, который послал его в таверну Морура. Кроме того, он опустил те моменты, где Анур и Харник трепетно и очень эмоционально относились к ларцу и его таинственному содержимому.

Однако Арлетт почувствовала некую фальшь и, сузив глаза, с сомнением посмотрела на него, когда тот закончил свой рассказ.

– Что-то не так? – спросил он.

– Не верится мне, что ты спокойным образом дал уйти этим грабителям, – проговорила Арлетт. – Ты весь увешан оружием – не отрицай! – и рука твоя привычна к пользованию этим оружием.

Ретагор пожал плечами. Отрицать не имело смысла, только еще большие сомнения бы посеял, лучше сделать вид, что это значения особого не имеет. Арлетт тоже поняла, что, пожалуй, не стоит дальше развивать эту тему, и стала рассказывать о своей деревушке. И о Некторе, который мечтает уехать в большие города.

– Он так и говорит «В большие города», хотя спроси его, какой город он знает, он ничего не ответит. Забавно, не правда ли?

– Не знаю. Ему виднее, – ответил Ретагор. – Не суди и не судим будешь.

– Ты всегда такой нудный? – воскликнула Арлетт.

Он закинул ей руку за плечо и притянул к себе:

– Только когда светло...

Арлетт засмеялась, потом резко посерьезнела и спросила:

– А что было в этом ларце, как думаешь? Наверное, что-то очень ценное, раз тот человек перед смертью завещал тебе передать своему другу. Они были друзьями, не так ли?

– У меня создалось впечатление, что даже очень большими друзьями, – ответил Ретагор, вновь возвращаясь к событиям минувшей ночи. – А что касается того, что было в ларце, то я не думал об этом. И не хочу думать. Это не мое дело. Свое дело я выполнил и получил награду.

– А если бы не получил награду, разве не сделал бы? – с иронией спросила Арлетт. И ответила сама же: – Сделал бы все равно.

Ретагор сел, поджав под себя ноги и уставившись на нее несколько недоуменным взглядом:

– Мне кажется, что ты любой вопрос переворачиваешь в изучение моего поведения.

Она улыбнулась и потрепала его волосы:

– Это неудивительно. Я хочу узнать тебя хорошо. И знаешь, никогда такого желания у меня не было. Может, я взрослею?

Или влюбилась, чуть не вырвалось у Ретагора, но это было столь заметно по ее поведению... Но он не хотел ее смущать, похоже, она из тех женщин, которых такие разговоры выбивают из колеи. Что ж, это вновь произошло. Нежданно-негаданно. После случайной ночной встречи на улицах незнакомого города. Но если Ретагор и раньше замечал, что женщины часто не могут обойти его вниманием, а сам он от таких встреч и таких знакомств старался держаться подальше, чтобы не привязываться ни к кому, то что же произошло сейчас, когда ему приятно это внимание, он понимает, что дорожит им, думает прежде, чем что-то сказать, хочет угодить и не обидеть? Куда девался тот неотесанный лесной бродяга, одиночка, лишенный романтики? Ретагор мысленно пожимал плечами, когда в голове мелькали эти вопросы, а большей частью старался о них не думать. А вслух произнес:

– Не знаю. Ты, кстати, натолкнула меня на мысль...

– Какую?

– Понимаешь, этот человек, тот, которому я передал ларец, предложил мне что-то вроде работы, но даже не пояснил, в чем именно она может заключаться. Уж не был ли он уверен, что я откажусь?

– И что тут такого? Одного взгляда на тебя достаточно, чтобы понять, что никакая работа, ничто, кроме вольного ветра, тебе не мило.

– Нет, что-то тут не так. У него был такой взгляд... Как тебе описать? И еще когда я только вошел, мне показалось... Словно, он видит меня насквозь. Словно, заранее знает, что я скажу, словно знает мои мысли.

– Ты думаешь, он чернокнижник? – испуганно прошептала Арлетт, задохнувшись от этих слов.

Ретагор покачал головой.

– Не знаю, но вполне может быть. И эти свитки, я ведь ничего не понял, хотя умею читать. И этот ларец. Что в нем?

– Ага! А говоришь, что не думаешь об этом? Перестань, Ретагор, мне стало страшно.

Ретагор погладил по голове девушки, прильнувшей к его груди.

– Не бойся. Больше не буду об этом говорить.

– И думать!

– И думать.

Они еще долго лежали, глядя в ярко-голубое небо, и тихонько переговаривались. Им так понравилось это местечко, что они собирались сходить в Велин купить немного еды и вернуться сюда, чтобы провести ночь. Они знали, что в период ярмарок и празднеств к подобным вещам относятся более терпимо, хотя в другое время – они могли оказаться в темнице, чего ни ему, ни ей не улыбалось. Но сейчас праздник, все веселятся, сейчас можно все, только нужно быть настороже.

Однако этим планам Ретагора и Арлетт не суждено было сбыться, а произошедшее кардинально повернуло их судьбы.

Пока же день потихоньку тек своим чередом. Люди шли уже не столько в Велин, сколько обратно, либо возвращались в свои шатры на отдых, либо, как и Ретагор с Арлетт, располагались на пикник, празднество постепенно переходило за окраину городища. Ретагор с Арлетт решили, что сейчас самый удобный момент, чтобы сходить в какую-нибудь таверну перекусить или захватить еду с собой и вернуться вновь на их место на опушке леса, с которого открывался замечательный вид самого Велина и его окрестностей. Велин располагался в неглубокой низине, окруженной невысокими холмами, на одном из которых они расположились, а за ними – лес; а с других сторон городище плавно переходило в зеленую равнину с редким кустарником и одинокими деревьями.

Арлетт аккуратно подобрала накидку своего спутника и заботливо накинула на его плечи. Он поинтересовался, не прохладно ли ей, потому что она была одета лишь в легкую кофту, а небо затянуло облаками и дул легкий ветерок. Она покачала головой и, взяв его под руку, стала спускаться с холма в ту сторону, откуда они пришли. Им оставалось перейти мостик через речку, после чего они вошли бы в Велин, а там Ретагор собирался купить немного еды, кувшин вина и корзинку фруктов. Ему не хотелось устраиваться на обед в переполненной таверне. И Арлетт была с ним согласна. Она, правда, сказала, что было бы неплохо отыскать остальных и пообедать вместе, чем вызвала у Ретагора некоторую хмурость на лице, но тут же рассмеялась, назвала его дурачком и сказала, что пошутила.

– Сегодня я твоя, только твоя, – прошептала она, притянув его голову к себе.

Ретагор улыбнулся и поцеловал ее, хотя грудь неожиданно кольнуло слово «Сегодня». Сегодня... А завтра? Что будет завтра? Впервые в жизни Ретагор задумался об этом. Впервые он не был рад своей свободе, тому, что завтрашний день будет похож на сегодняшний, как сегодняшний был похож на вчерашний. Потому что он – завтрашний день – не будет таким, как сегодня, *сейчас* больше никогда не вернется. Или нет? Почему ты так уверен, что сегодня все закончится? – спросил Ретагор себя. Может, пришла пора остановиться, может, стоит подумать о будущем. О будущем с Арлетт? А почему бы нет?

Он не заметил, что Арлетт уже дважды его окликала.

– Что? Что ты сказала?

– Говорю, смотри, какой странный человек, – тихо проговорила Арлетт, толкнув его локтем в бок и кивая головой в сторону. – Одет богато, а ведет себя странно.

Ретагор посмотрел, куда она указывала, и внутренне ахнул. Сначала внутренне, а потом не смог сдержаться и коротко вскрикнул.

– Что с тобой? – взволнованно спросила Арлетт.

– Это тот человек, с которым я встречался ночью, – ответил Ретагор.

Он смотрел на Харника, и все больше и больше понимал, почему Арлетт обратила на него внимание. Харник был действительно одет с неприкрытой роскошью, в расшитый яркий плащ, под которым виднелся алого цвета бархатный камзол, однако при этом вел себя странно и неподобающе. Сначала Ретагор решил, что он пьян, потому что шел шатаясь и то и дело цепляясь за все, что попадалось под руку, стены, ограду последнего на улице дома, а когда она кончилась, то сделал несколько шагов, а затем упал на одно колено и опустил голову.

– Он ранен! – воскликнул Ретагор и кинулся к Харнику, увлекая за собой девушку.

До Харника оставалось шагов десять, и он преодолел их так быстро, как только мог, и через несколько мгновений уже склонился над тем. Харник все еще стоял на одном колене и безуспешно пытался подняться. Что же это такое – с кем я не встречу, со всеми что-то случается, мелькнуло у Ретагора в голове.

– Харник, что с вами? – спросил он, наклонившись к раненому. Арлетт стояла рядом, растерянно глядя по сторонам, но никому, казалось, не было дело до этого человека, среди бела вдруг упавшего на колени и не могущему с них подняться. Люди шли парами, группами и не обращали на них никакого внимания.

– Это я, Ретагор. Вы можете подняться? – Он подхватил Харника рукой под грудь, чтобы не дать ему упасть, если он потеряет силы или равновесие, и, видя, что тот даже не отвечает, стал медленно его приподнимать, чтобы поставить на ноги. И вдруг, когда тот слегка приподнялся, и его голова оказалась на уровне глаз Ретагора, тот увидел, что затылок у него в крови, светлые волосы намокли и на затылке стали темнеть. Рана свежая, совсем свежая, кровь еще не запеклась, подумал Ретагор и, подхватив Харника, продел руку ему под мышку с другой стороны и аккуратно отвел немного в сторону. Здесь никто не ходил, и Ретагор опустил Харника на траву, прислонив к задней стене какого-то деревянного строения.

Харник только здесь приоткрыл веки и, с трудом подняв голову, посмотрел Ретагору в глаза. Сначала казалось, что он его не узнал, но потом Харник произнес:

– А-а, это ты, дорогой друг...

– Не говорите, вас ударили по голове, вам не стоит даже шевелиться. Сейчас я посмотрю рану...

Он не договорил, Харник схватил его за запястье и потянул к себе:

– Они нашли меня. Не знаю, как они ударили меня по голове...

– Помолчите, – настойчиво проговорил Ретагор, пытаясь заглянуть Харнику на затылок и получше рассмотреть рану. Его беспокоило, раскрыт ли череп или нет.

Но Харник опять заговорил. В его голосе чувствовалось торжество, почти радость, когда он зашептал Ретагору прямо в лицо:

– Они думают, что отобрали у меня ларец и бумаги! Но я перехитрил их. Я их перехитрил...

Вот, значит, как, подумал Ретагор. Что ж, это превосходно, хотя и непонятно, но теперь главное – это заняться раной этого человека, чтобы он там не говорил. А раз ларец не похищен, значит, и не зачем беспокоиться. По крайней мере, пока.

Ретагор поднял глаза и посмотрел на Арлетт, которая все так же и стояла, как вкопанная, не в силах ничего с собой поделать – зрелище оказалось для нее слишком впечатляющим.

– Арлетт, я попрошу тебя сходить в ближайшую таверну, попроси там воды. Или нет. Лучше просто возьми у них какую-нибудь посудину, воду я наберу из этой речки, в ней вода будет похолоднее, чем в таверне.

Арлетт коротко кивнула и побежала прочь, то и дело оборачиваясь. Ретагор вновь повернулся к Харнику, который понемногу начал приходить в себя и даже попытался протянуть руку и приложить ее к ране. Но Ретагор пресек эту попытку, сейчас нужно прежде всего промыть рану и, возможно, перевязать ее, если кровь не остановится. Но то, что Харник глядел теперь на него более осмысленным взором, его сильно обнадежило.

– Харник, вас не тошнит? – поинтересовался он.

– Немного. Я знаю, ты пытаешься выяснить, насколько сильным был удар, – проговорил он. Говорил он еще медленно, но определенно язык его не заплетался. – Это называется сотрясением мозга. Похоже, что у них не было намерений меня убивать, а лишь оглушить и отобрать ларец.

– Почему именно ларец? Может, это просто уличные грабители – их сейчас здесь, небось, полным-полно.

Харник покачал головой, но при этом поморщился от резкой боли.

– Уличные грабители среди бела дня? Нет. Если бы у меня срезали бы кошель, то ты был бы прав, но тут дело другое. Им нужен был именно ларец!

Ретагор задал вопрос, который мучил его уже долгое время:

– Вы сказали, что перехитрили их. Как?

– Тебе я могу открыться, Ретагор, – объявил Харник, подняв голову и глядя ему прямо в глаза. – В мешок Анура вместо ларца и других вещей, которые ты мне принес, я положил ненужный хлам.

– Значит, вы ожидали нападения? – удивился Ретагор. – Почему?

– На это я не могу тебе ответить, мой юный друг, – улыбнулся Харник. – Важно, что ларец они не заполучили, хотя очень хотели, раз убили Анура, потом выследили тебя и напали на меня.

Для Ретагора все более-менее становилось понятным. Однако его мучил один самый важный вопрос, но Харник еще прошлой ночью дал понять, что эту тему он обсуждать не будет. Поэтому он постарался поглубже «затолкать» этот вопрос и переключиться на более реальные и неотложные дела. Тем более что в этот момент подошла Арлетт, осторожно неся в руках небольшую глубокую лохань, наполненную воду.

– Я сама набрала воду, ничего? – неуверенно спросила она. – Я подумала, что нельзя терять времени.

– Ты поступила правильно, – успокоил ее Ретагор и повернулся к Харнику: – Если вы сможете подняться, может, немного отойдем в сторонку, а то здесь мы привлекаем внимание.

– Согласен, – бросил Харник и с помощью Ретагора осторожно поднялся на ноги. Голова у него еще кружилась, и он слегка покачивался из стороны в сторону, но выглядел уже значительно лучше, по крайней мере, был не таким бледным.

Ретагор повел Харника и следовавшую за ними Арлетт подальше от улочки, отыскал небольшой уступ, образованный проимой речки, поросший несколькими невысокими деревцами, расстелил свою накидку и усадил туда Харника. Тот с легкой улыбкой покосился на расстеленную накидку, но ничего не сказал.

Одного взгляда на рану оказалось Ретагору достаточно, чтобы понять, что с Харником ничего не серьезного. Оружие, которым его огрели по голове, лишь разрежало кожу, оставив, правда, заметный след, и вытекшая кровь уже успела запечься, но самое главное – череп был цел. Рана тем не менее побаливала, это было заметно по поведению Харника, пока Ретагор, как мог бережнее промывал ему рану, освобождая волосы от уже образовавшихся колтунов. Это заняло у него немного времени, при этом Арлетт внимательно следила за всеми его дви-

жениями, словно хотела запомнить их. Это несколько удивило Ретагора, но он воздержался от расспросов.

Когда все было закончено, Ретагор достал из кармана своих штанов чистый клочок льняной ткани и аккуратно протер рану. После чего спрятал этот платок обратно в карман, выплеснул воду из лохани обратно в реку и сел рядом. Арлетт немного постояла, потом тоже опустилась около него.

– Все в порядке, – проговорил Ретагор и стал отвязывать от пояса внушительных размеров флягу. Откупорив затычку, он протянул флягу Харнику со словами: – Хлебните.

– Вода?

– Вино. Не бог весть что, но вам не помешает.

Харник сделал несколько глубоких глотков, а Ретагор эти несколько мгновений изучающе смотрел на него. Сейчас он был совсем не похож на того надменного и строгого аристократа, каким встретил его прошлой ночью, но уже тогда, в ходе разговора, Ретагор разглядел в нем человечность. Теперь же, сидя на подстилке из накидки почти незнакомого ему человека с влажной еще головой, Харник больше походил на усталого пожилого человека, чем на строгого аристократа, в руках которого, возможно, сосредоточены судьбы многих людей, каким представлялся в самом начале. Даже вычурно богатый наряд тушевался рядом с этим видом поверженной слабости и усталости, сквозившей во всем его виде, позе и манере держаться. Ретагор заметил, что Арлетт тоже во все глаза смотрит на нового знакомого, точнее, незнакомого человека, потому что в суматохе Ретагор не успел их представить друг другу. В этом взгляде читался откровенный интерес и интригующее любопытство.

– Спасибо, – поблагодарил Харник, возвращая флягу Ретагору. Тот незаметно для Харника протер горлышко и предложил Арлетт. Но она отказалась, тогда он сам приложился к фляге.

Харник притронулся к ране, слегка скривил лицо, но, видимо, остался доволен, потому что улыбнулся и проговорил:

– Я забыл тебя поблагодарить, друг мой. Похоже, ты опять спас меня.

– Разве я уже спасал когда-то? – лукаво поинтересовался Ретагор.

– Вчера. Вчера ты спас не только меня, но и многих, не представляешь скольких. Хотя теперь, после смерти Анура, во мне горят сомнения.

– Сомнения? – спросила Арлетт. – Но в чем?

– Милое дитя, – обратился к ней Харник, пошевелившись, чтобы поменять позу. Теперь он согнул одну ногу в колене и положил на нее локоть, став похож на задорного пастушка. Только свирели не хватает, подумал Ретагор. А Харник продолжал: – Я не могу вам всего рассказать, но если говорить коротко, то эти люди вернутся, они уже наверняка поняли, что я обвел их вокруг пальца, и сделают новую попытку.

– Но кто они и почему вас преследуют? – спросил Ретагор.

Харник с сожалением на лице покачал головой. Ретагор понял, что этот вопрос по-прежнему табу.

– Ладно, думаю, с вами все будет в порядке, – проговорил Ретагор. — Я не знаю, где вы спрятали ларец, ведь грабителям он не достался, вы им подсунули хлам – вы сами сказали, но советую вам быть поосторожнее. – Он сделал движение, поднимаясь на ноги.

Но Харник с горячностью вскочил на ноги быстрее него, хотя было видно, что эти движения причиняют ему пусть уже утихающую, но боль.

– Подождите. Прошу вас, подождите.

Он обхватил Ретагора руками за плечи и слегка встряхнул. Но это выглядело не унижительно или оскорбительно, совсем наоборот, Харник выглядел растерянным и ищущим помощь.

– Я скажу вам кое-что. Немного, лишь то, что вы сможете понять.

Ретагор бросил взгляд на Арлетт, она слегка пожала плечами. Он повернулся к Харнику и сказал, что готов его выслушать. Но добавил при этом:

– Вообще-то, мы собирались пообедать. Может, составите нам кампанию, там и поговорим?

Харник с готовностью согласился. Ретагор был очень удивлен, видя, что такой человек чуть не трясется от страха, не отпускает его и, судя по всему, готов предложить ему нечто, что, по его мнению, может Ретагора заинтересовать. Только вот зачем ему это? Не проще ли нанять кого-нибудь для охраны. Да и вообще, почему такой человек, как Харник, путешествует в одиночестве, подвергая себя всевозможным опасностям? Но Ретагор оставил эти вопросы при себе и молчал, пока они втроем направились кружными путями к Моруру. Ретагор собирался сесть в первой попавшейся харчевне, но у Харник были, судя по всему, свои планы на этот счет, потому что Ретагор заметил, что он старательно выбирает наиболее оживленные улочки, приближаясь к центру Велина.

– Вы ведете нас куда-то конкретно? – не удержался он от вопроса.

– К Моруру, – коротко ответил Харник.

Ретагор внутренне кивнул. Он и сам об этом догадался. Видимо, только там Харник почувствует себя в относительной безопасности. Да и с Рангором они договорились встретиться именно у Морура. Ретагору было несколько неловко перед Арлетт за фактически испорченный день и пропавшие планы уделить этот незабываемый день друг другу. Он даже шепотом попросил у Арлетт прощения за это, то она лишь отмахнулась, сказав, что этому человеку явно нужна помощь, и нельзя бросать дело на полдороги, поэтому помочь ему важнее всего остального.

Через некоторое время, они входили в гостиничный двор, где им навстречу почти сразу же кинулся сам хозяин. Он на миг задержал взгляд на Ретагоре и, в особенности, на Арлетт, но ничего не сказал, а, выслушав просьбу Харника, проводил их к самому дальнему столу во дворе и с помощью одной из служанок стал накрывать на стол.

Харник разлил по бокалам принесенное вино, оказавшееся терпким сухим и необычайно вкусным, отпил большой глоток и повернулся к Ретагору и его спутнице.

– Я тоже только завтракал, поэтому, если не возражаете, сначала слегка перекусим.

Ретагор пожал плечами. Какая разница, все равно они собирались пообедать. Еще когда они вошли, он мельком оглядел двор, который из-за ярмарки был практически пустым, и не заметил никого из компании Арлетт. Тем лучше.

Некоторое время за столом сохранялось молчание, только Ретагор с Арлетт перебрасывались короткими малозначимыми фразами. Харник заметно успокоился, и было заметно, что рана его практически не беспокоит. Он то и дело посматривал на своих молодых сотрапезников, но при этом ничего не говорил, молча поглощая ломти поджаренного мяса, принесенного служанкой, и запивая это вином. Ретагор попросил принести ему и Арлетт эля и получил целый кувшин. Если бы не ожидаемый разговор, предшествующие ему сегодняшние и вчерашние события, создавалось впечатление, что просто трое друзей или хороших знакомых обедают и полностью поглощены собой и яствами. Однако внутреннее напряжение все-таки чувствовалось, оно проявлялось не только во взглядах и несколько торопливых движениях, но и беспокойном поведении Арлетт, которая то и дело посматривала на ворота гостиницы, словно ожидая прихода своих односельчан, возможно, чтобы сразу примкнуть к ним. Ретагор это заметил и даже тихонько сказал ей, что, если ей хочется, она может пойти еще раз пройтись по ярмарочным лавкам, пока он закончит еще не начавшийся разговор. Но она покачала головой, почти гневно сверкнув глазами, словно он хотел отстранить ее от важных дел и интересных событий, как бы подчеркивая, что она всего женщина, а значит, не может в этом участвовать. Ретагор внутренне улыбнулся и даже обрадовался: все когда-либо встреченные им женщины именно так бы и поступили, потому что круг интересов у них был узким, чего нельзя было сказать

об этом молоденькой, но явно умной и решительной девушке. Может, поэтому я никем никогда всерьез не заинтересовался, а вот она... она совсем другая, не чета этим безмозглым дурам, подумал Ретагор.

– Я не знаю, как благодарить вас за ваше долготерпение, друзья мои, – неожиданно провозгласил Харник, который закончил свою трапезу и теперь, откинувшись на спинку скамьи, пристально посматривал на них. – Вы не проронили ни слова, хотя я знаю, что вам любопытно. Тем более, что сам это любопытство вызвал.

– Мне, конечно, любопытно, – ответил Ретагор, поглядывая на него жестким немигающим взглядом, – скрывать не буду. Но самое главное, что меня интересует, для вас, как я понял, тема закрытая. Так что... – Он развел руками. – Вы попросили вас выслушать, я готов. Если вам есть, что сказать.

– Еще как есть! А вы, барышня? Вам тоже интересно послушать, что же все-таки происходит?

– Господин, Ретагор рассказал мне то, что произошло, хотя, как я понимаю, кое-что от меня скрыл, – Арлетт искоса бросила на него ироничный взгляд. – Потом почти на моих глазах на вас нападают, вы говорите про какие-то тайны. Разумеется, мне любопытно.

Харник рассмеялся. Но глаза его оставались холодными и неподвижными.

– Я смеюсь только потому, что нахожусь в компании таких замечательных людей, как вы. Но на душе у меня темно. Погиб мой друг, мой единомышленник, хранитель многих тайн и заветов, которые помогли бы в борьбе со злом.

– Злом? – переспросила Арлетт.

– Именно. Злом. Грубым, нечестивым, первобытным, неустрашимым злом! – Харник выдавливал из себя слова с яростью, ненавистью, какой Ретагор за два дня общения с ним ни в каком виде не замечал.

Шутки кончились, сказал он себе, этот человек говорит серьезно. Или не в своем уме. Хотя это вряд ли, слишком хорошо одет и слишком богат. Да и тогда, значит, Анур тоже был не в своем уме? Этого за ним не водилось.

– Я расскажу вам кое-что интересное, – со вздохом проговорил Харник. – Интересное и ужасное. Люди этого пока не замечают. Или не хотят замечать. Но очень скоро... если нам не удастся это предотвратить, люди почувствуют это на себе.

IV

– Что вы слышали про Хунтехант? – Голос Харника звучал по-деловому.

– Какое жуткое название! – воскликнула Арлетт. – Или это имя?

Харник придвинул к себе кувшин с элем и налил себе тоже. Потом посмотрел на Арлетт и покачал головой:

– Нет, это не имя. Это действительно название, а жутким вам показалось потому, что оно на древнем языке, знание которого очень ограничено. Очень ограничено, друзья мои. И Анур был из числа посвященных. Из тех, кто жил борьбой. Борьбой со злом.

– Вы уже несколько раз это повторили. Оставим пока эти громкие слова. Скажите лучше, так что это такое Хунтехант? – спросил Ретагор. Рассказ Харника увлекал его все больше и больше, хотя он и чувствовал, что наверняка тот многое недоскажет, либо он, Ретагор, многого не поймет. – Это город?

– Не совсем город, Ретагор. Не совсем. Это скорее замок, где живут избранные, – произнес Харник.

Ретагор решил было, что он над ними потешается, но вид у Харника был серьезным, более того, озабоченным. Казалось, он одновременно думает над чем-то, над какой-то заботой.

– Избранные? Кем избранные?

– Судьбой, предназначением, – ответил Харник. – Называйте, как хотите.

Ретагор деланно рассмеялся.

– Вы надсмехаетесь над нами!

– Ничуть. В ста лигах отсюда находится замок с небольшим поселением вокруг, в котором живу я и еще около полусотни ученых.

– Колдунов?! – воскликнула Арлетт.

Харник повернул к ней свое лицо:

– Мы не занимаемся колдовством, дорогая барышня. Мы не препарируем лягушек, не собираем всяких трав и не варим никакого зелья. Мы боремся со Злом.

– Но как можно бороться со злом? – спросил Ретагор, задумчиво. – С чем-то конкретно, с отдельными людьми – это понятно, но для этого нет надобности во всем, о чем вы говорите. Замок, полсотни, как вы сказали, ученых? Может, разъясните, чем вы занимаетесь?

– Разумеется. Иначе не вызвал бы вас на этот разговор. К тому же мне нужна твоя помощь.

– Об этом я уже догадался. Но сначала расскажите.

Харник придвинулся, положив локти на столешницу и сцепив руки.

– Зло! Зло существует. Оно бывает двух видов, двойной природы. Одно зло – это порождение людской ненависти и злобы, алчности и жажды власти и богатства. С этим злом люди борются, как могут, на протяжении всего времени своего существования. Или, напротив, сливаются с ним, превратившись в тех, кто делает этот мир хуже и опаснее. Но это человеческое зло – я говорю не о нем. Потому что есть иное зло, то, что порождено неведомой силой.

– Неведомой? – вставил Ретагор. – Дьявольской, вы хотите сказать.

– Никто этого не знает, – четким голосом возразил Харник.

– Но церковь..., – начала было Арлетт, которая тоже настроилась на разговор серьезно. От той бесшабашной девчонки, которая бегала по лоткам, не осталось и следа.

– Церковь может и ошибаться, – проговорил Харник, а заметив, что его собеседники изумленно переглянулись, явно не ожидая от ученого на вид человека подобной ереси, поспешил добавить: – Нет, не в том, что есть дьявол, или его нет. Вовсе нет. Дело в том, что мы полагаем, что многое, что люди приписывают козням Сатаны – этого низвергнутого ангела, порождено значительно более древним злом.

– Древним? – Ретагор нахмурился. Он начал чувствовать, что разговор принимает непонятный оборот, потому что Харник явно чего-то не договаривал. – Что может быть древнее...

– Погодите! Давайте я вернусь к своему рассказу, если позволите. Хунтехант основан не на пустом месте. Несколько десятилетий назад пятеро священнослужителей обнаружили странный монастырь, полуразрушенный и заброшенный. В церковных хрониках северо-западных земель не нашлось указания на этот монастырь, и монахи вместе с небольшим количеством помощников из числа местных жителей приступили к исследованиям этого места. Рим был извещен об этом, и было получено согласие. Каково же было удивление всех, когда под монастырем обнаружилось целое поселение, множество останков, но главное, большое количество свитков на непонятном языке и всевозможных реликвий и амулетов неизвестного назначения. Ничего из них не имело отношение к нашей святой вере.

Ретагор откинулся назад, на спинку стула. Странно. Очень странно. Только позавчера вечером, после ужина, когда Анур уже расположился на ночлег, а он сидел на берегу крошечной речушки, его голову вдруг посетили занимательные мысли. Они появлялись у него уже не впервые после того короткого путешествия из Гелла в один из неприметных городков на юге – он даже не запомнил его название, вместе с двумя довольно молодыми учеными, у которых было странное, на взгляд Ретагора, занятие – они увлекались исследованием прежних времен. Они называли это историей. Много говорили, сначала между собой, потом, когда их споры доходили чуть ли не до драки, они переносили свое красноречие на своего проводника, пытаясь склонить его к своему мнению. А тот хотя и многое не понимал из этих разговоров, однако обладая прекрасной памятью и живым умом, по крайней мере, многое запомнил. Настолько хорошо, что даже спустя много времени после этого стал ловить себя на мысли, что думает о том, что же было раньше, как люди жили в те времена, о которых сейчас уже нет никаких точных известий, разве что изустные предания, доверять которым можно далеко не всегда. Вот и позавчера, глядя на убаюкивающую черноту ночи, он почему-то вновь размышлял на эту тему.

– Ни для кого не секрет, что люди верили во что-то и до Спасителя, – прервал он Харника. – Поэтому: почему бы не существовать где-нибудь какому-нибудь языческому храму со всеми реликвиями и амулетами?

Харник перевел глаза на него и кивнул.

– Верно. Поэтому вначале никто и не придавал особого значения находкам.

– Вначале?

– Именно. До тех пор, пока не были найдены манускрипты и изображения. Первые были написаны на языке, нам доселе неведомом, – тоже, в принципе, ничего странного и удивительного. Но вот изображения... – Харник закатил глаза и покачал головой.

– И что с ними такого? – спросила Арлетт.

– Представьте себе, что все говорило о том, что манускрипты очень древние, как и все остальное. Такой вывод очевиден. Но вот на картинках были изображены различные, как бы выразиться... персонажи и всевозможное сатанинское отродье именно в том виде, каком мы привыкли их изображать. Понимаете?

Ретагор сложил руки на груди, как всегда делал, когда вел серьезный разговор.

– Вы будете удивлены, дорогой Харник, но и здесь я ничего странного не вижу. Просто следует сменить причину и следствие и тогда...

Харник рассмеялся и чуть не захлопал в ладоши:

– Вы схватываете на лету! Верно. Проще представить, что это мы, наши изобразители позаимствовали эти персонажи из древних манускриптов для придания противникам Бога некие образы. Но и тут не всегда гладко. Дело в том, что наряду с привычными уже нам изображениями Сатаны, чертей и прочей нечисти, были там и те, которые монахи видели впер-

вые. Почему их нет в наших древних летописях? Ни описаний, ни изображений? Откуда такая избирательность?

На некоторое время воцарилось молчание. Ретагор покачивал головой, Арлетт смотрела на него, а Харник, судя по виду, был явно доволен тем, какое впечатление оказал рассказ на его новых знакомых.

– И что было дальше? – спросил наконец Ретагор.

Харник подлил себе новую порцию эля.

– Все документы были отправлены в Рим. Однако это произошло в неудобное для Папского престола времени. Но в удобное, как выяснилось, для нас, – добавил Харник, усмехнувшись. – Дело в том, что в это время полным ходом шла подготовка к избранию нового Папы. Поэтому какие-либо новые дела были совсем нехоти. И поэтому документы со всем прочим были отправлены обратно для исследования. Вместе с целой группой священников. Постепенно фактически на месте старого храма была воздвигнута сначала церковь, затем целое поселение. И цель была одна – изучение найденных артефактов. Рим периодически получал отчеты о проделанной работе, но связь постепенно становилась все призрачнее и слабее. Прошло еще немного времени, и мы вовсе оказались предоставленными сами себе. И произошло это, признаюсь вам, друзья, отчасти не без нашего участия, – Харник довольно улыбнулся.

– В каком смысле? – спросил Ретагор.

Харник сцепил пальцы в замок и пристально посмотрел перед собой. На миг Ретагору показалось, что тот задумался, стоит ли продолжать разговор, но мягкий голос Харника раздался вновь.

– При очередном расширении Хунтеханта, точнее, его первого, основного корпуса, мы наткнулись на три ранее замурованные комнаты. Две из них удалось открыть, третью – нет, потому что там не нашлось ничего похожего на дверь, а ломать стену не решились.

– Почему? – вставила Арлетт. Последние слова явно ее заинтересовали. Ретагор скосил взгляд на нее и украдкой усмехнулся – как и большинство людей, ее больше всего занимают тайны и загадки.

– Тут, милая барышня, я не смогу ответить вам коротко, а чтобы ответить подробно... э-э, для этого нужно слишком много времени и слишком много внимания. Если понадобится, к этому мы вернемся, ладно? Хорошо. Я продолжаю. Одна из комнат оказалась пустой, другая – на первый взгляд тоже. Но только на первый взгляд. В подполе мы нашли ларец...

– Ага! – не удержался от восклицания Ретагор. – Вот мы и добрались до ларца!

Харник немного растерянно моргнул:

– Д-да. Ларец. Ты его видел и знаешь, что открыть его невозможно. Посовещавшись, мы решили отправить его на экспертизу в Рим.

Ретагор шумно вздохнул.

– И в Рим отправился Анур, с которым затем я повстречался. Не так ли?

– Именно, – подтвердил Харник. – Кроме того, в его записях я нашел упоминания о том, что в Риме поняли, что собой представляет ларец, не больше нашего. А еще больше все запутывают слова Анура, которые он передал тебе перед смертью.

– «Теперь у вас есть, нужно найти дверь»? – задумчиво произнес Ретагор.

Харник кивнул.

– Я ума не приложу, что это значит.

Ретагор откинулся на спинку сиденья и внимательно посмотрел на своего собеседника долгим взглядом.

– Вы рассказали нам довольно интересную историю, – наконец проговорил он. – Однако не стоило этого делать, если решили утаить главное.

Арлетт резко вскинула на него лицо, с удивлением заглядывая в глаза. Но Ретагор даже не посмотрел на нее – его взгляд был устремлен на Харника. Тот, хоть и выглядел распоряди-

тельным и властным человеком, однако под взглядом этого простого на вид следопыта и проводника заметно изменился в лице, а когда заговорил, голос его слегка подрагивал.

– Утаить? Дорогой Ретагор, у меня и в мыслях этого не...

– Полно, Харник. Полно, – небрежным и примирительным тоном прервал его Ретагор. – Вы не сказали самого главного. Почему ларец так важен? Из вашего поведения я понял, что это так, но при этом вы говорите, что никто не смог его открыть и никто не знает, что внутри.

Харник на миг застыл, потом вдруг широко улыбнулся, а затем громко рассмеялся. Это произошло настолько неожиданно, что Ретагор и Арлетт невольно переглянулись.

– Вам что-нибудь нужно еще? – раздался вдруг над ними услужливый голос.

– Да, Морур, принеси нам еще кувшин сладкого вина, – веселым тоном проговорил Харник, и харчевщик удалился. Харник несколько мгновений глядел ему вслед, затем повернулся к своим собеседникам. Лицо его в этот момент, хоть и было улыбочивым, однако глаза уже не веселились и были серьезны.

– Знаешь, мой мальчик, – обратился он к Ретагору, – с каждой минутой я все больше убеждаюсь в правильности моего реше... Нет, об этом пока рано говорить. А что касается твоего вопроса, то отвечу тебе на него предельно коротко. У нас есть достоверные доказательства того, что этот ларец, его содержимое имеют огромное значение в предстоящей битве.

– Предстоящей? – переспросила Арлетт. – Вы нас пугаете!

– О нет, барышня, это не так! Вас, возможно, я и напугаю своими словами, но вот вашего друга напугать трудно. Очень трудно.

Ретагор тем временем выглядел задумчивым. И настороженным.

– Вы уверены в этом? В том, что битва близка? – задал он тревоживший его вопрос.

Харник кивнул.

– Более чем. Мы расшифровали некоторые записи и криптограммы, которые нашли в первом поселении. Все указывает на это.

Ретагор замолк. Он напряженно думал, но своими мыслями не делился. Он поднял голову – перед его глазами были зеленые ветви раскидистого дерева, под которым они сидели, слегка колеблемые легким ветерком. Опять это ощущение. Смутная тревога, предчувствие, беспокойство – оно не оставляло его в покое последние несколько недель. Почему, он не знал, и, как привык, стараясь не думать об этом, убегал от тревог. Но сейчас оно почему-то особо сильно.

– Тогда вам, – наконец прервал он наступившую тишину, которую не прерывали на Харник, ни Арлетт, – как можно скорее нужно вернуться в Хунтехант.

– Не спорю. – отозвался Харник, но в голосе прозвенела горечь, когда он добавил: – Только вот толку-то что? Ларец продолжает хранить свою тайну, как и прежде. И Рим никак помочь не может. Более того, из записей Анура у меня создалось впечатление, что там не особенно-то и верят во все наши предостережения.

Он вздохнул.

– Тем не менее, долг призывает меня в обратный путь, каким бы он бессмысленным ни казался.

Ретагор ничего не сказал. Но повел себя, по мнению Арлетт, немного странно. Посидев некоторое время в молчании, в течение которого Арлетт озабоченно оглядывалась по сторонам, а Харник задумчиво сидел, погружившись в собственные, наверняка, невеселые мысли, Ретагор поднялся и, сделав им знак оставаться на своих местах, несколькими быстрыми шагами покинул двор гостиницы и исчез за воротами. Арлетт попыталась подняться, но Харник удержал ее за руку, добавив:

– Он велел нам оставаться здесь.

– Что-то вы не похожи на человека, который привык делать, что велят, – ухмыльнулась она. Она хотела пошутить, но слова прозвучали почему-то резко и грубо. Однако, вопреки ее

мелькнувшему опасению, Харник не придавал этому значения. Напротив, он рассмеялся, хоть смех и получился несколько вымученным и грустным.

И добавил:

– Вот здесь вы, барышня, правы, как никто. Только почему-то тон у Ретагора иногда бывает такой, что не хочется его слушаться. Вам так не кажется?

Арлетт смущенно кивнула. Действительно, ее новый знакомый в какие-то мгновения ее просто пугал. Но мгновением позже вновь начинал походить на простоватого лесовика. Подобные метаморфозы происходили с ним довольно часто, и за проведенный с ним день и вчерашний вечер Арлетт даже начала к ним привыкать.

Она хотела было что-то сказать в ответ, но в этот момент в воротах показался Ретагор. Шел он спокойно и раскованно, из чего Арлетт сделала вывод, что, что бы ни заставило Ретагора столь быстро их покинуть, сейчас все в порядке. Ретагор сел на свое место и налил полную кружку эля.

– Что-то случилось? – спросил Харник. Легкая дрожь в его голосе выдавала тревогу и волнения. Было видно, что в этот момент он вспомнил ставший уже почти забытым эпизод с нападением на него.

Ретагор поднял на него глаза.

– Мне показалось, что в ворота заглянул один из тех молодчиков, которых я оставил в лесу живыми, – ответил он.

– Ага! – воскликнула Арлетт и добавила почти шепотом: – Значит, ты все-таки оставил там кого-то мертвым.

– Пришлось, – коротко ответил Ретагор и вновь повернулся к Харнику: – Хоть и оказалось, что я обознался, тем не менее факт нападения на вас говорит о том, что вас, да и меня выследили. И в любой момент возможно повторение попытки.

V

Ретагор почувствовал, что у него затекла рука, и он аккуратно подтянул ее к себе, отчего Арлетт слегка заворочалась, но не проснулась. Он поцеловал ее в затылок и, обняв, прижал к себе.

Луна ярко светила в открытое окно, но не из-за этого Ретагору не спалось. Тем более не от пережитой бурной и полной страсти любви, которая раскрыла его и Арлетт друг перед другом настолько, насколько это только возможно. Ретагор провел рукой по ее грудям, животу, опустился ниже, чувствуя, что его опять охватывает дикое желание. Он поцеловал ее в шею и, немного отодвинувшись, лег на спину. Сон не шел, хотя он понимал, что уже очень поздно, скорее даже очень рано. Его тело требовало покоя, сна, отдыха, но голову распирали мысли, они не давали ему успокоиться. Стоило ему закрыть глаза, он вновь видел лицо Харника, там во дворе, слышал вновь его слова, заново ощущал все свои переживания, чувство недоверия, восхищения и причастности к чему-то далекому, таинственному и опасному. Вновь он слышал его слова, сказанные тогда.

– Зло готовит наступление. Самое настоящее. Падет все, что мы, люди, создавали десятилетиями, столетиями, может быть даже человечество будет вовсе уничтожено, а если и нет, то будет прозябать в болоте нищеты и невежества, – заявил тогда Харник. – Нам трудно прогнозировать последствия. И еще труднее этому противостоять. Но надежда остается. Поэтому я должен возвращаться в Хунтехант как можно скорее. Но я хочу, чтобы ты пошел со мной. Мне одному не справиться. Я понял, что ты не особенно веришь всему, что я говорю, но я хорошо заплачу. Больше чем ты получишь за подобную работу...

Ретагор задумался. Он посмотрел на сидевшую Арлетт. Харник прав – он думал, что тот если и не помешавшийся на манускриптах фанатик, то по крайней мере сам вряд ли многое понимает из того, что говорит. Обтекаемые фразы, мифическое Зло, способное поглотить всё и вся... Вначале Ретагор думал, что Харник просто темнит, но потом понял, что тот сам толком ничего не знает. Возможно, что-то и было в этих древних письменах, но тогда почему о природе этого самого зла там практически нет ничего. Или эти, как Харник их называет, ученые сами ни в чем не разобрались? Так или иначе, в эти сказки сложно поверить.

– Вы правы, я не верю в это. Я не говорю, что не верю вам, напротив, похоже, что вы уверены в своих словах. Но вот смысла в них маловато.

Харник поднял руку, как бы останавливая его:

– И я об этом, и я об этом. Можешь мне не верить, не верить в мои предположения. Но я прошу тебя сопровождать меня. Если эти люди идут по следу, мне не сдобровать.

Надо признать, Ретагор раздумывал недолго.

– Хорошо, я согласен. Но с этого момента делайте, как я скажу. Итак,...

Когда он попрощался с Харником и ушел в сторону ворот, увлекая за собой Арлетт, Харник направился в противоположную сторону – туда, где находился Морур, когда было свободное время. Арлетт, увлекаемая Ретагором, молча вышла вместе с ним за ворота и только тут немного пришла в себя и остановилась.

– Я ничего не поняла, – сказала она. – Мне казалось, что его рассказ тебя заинтересовал. И вообще, что ты относишься к этому серьезно.

Он обнял ее и поцеловал.

– Он относится к этому серьезно, а мне необязательно. Возможно, что все эти бредни про какое-то Зло и выдумки, но то, что он в опасности – это реальность, – ответил он после этого, и Арлетт больше не стала ничего спрашивать.

Остаток дня они провели, гуляя по ярмарочной площади, наблюдая за представлением трубадуров, потом зашли в какую-то таверну перекусить и, наконец, вернулись в гостиницу

Морура уже поздно вечером. Рангор и остальные уже были здесь, успели еще до их прихода поужинать и теперь ждали Арлетт, чтобы, учтиво попрощавшись с Ретагором, пуститься в обратный путь к себе в деревню. Ночевать здесь они не намеревались. И они были немного удивлены, когда она вежливо отправила их без нее, сказав, что вернется завтра, а сегодняшний вечер собирается провести с Ретагором. Рангор слегка скривил губы, но ничего не сказал, а Нектор и девушки толкнули друг друга локтями и громко и понимающе рассмеялись.

Арлетт задиристо вздернула подбородок, говоря всем своим видом, что готова дать отпор любому, кто что-либо скажет по этому поводу или по поводу ее легкомысленного поведения. Однако таковых не нашлось, и Рангор с кампанией, долго и горячо попрощавшись с Ретагором, отправились восвояси. Они же направились в сторону входа в гостиницу.

Они поднялись на этаж и направились по коридору. Подойдя к двери комнаты, в которой он ночевал накануне, Ретагор открыл ее, и они вошли. Арлетт остановилась посреди комнаты и повернулась к Ретагору лицом. Она сняла с себя легкую накидку и осталась в одной полупрозрачной блузке. Ретагор, сладко улыбаясь, смотрел на нее снизу вверх. Она подошла вплотную и, наклонившись к лицу, поцеловала в губы.

А теперь он лежал с открытыми глазами, не в силах заснуть, хотя чувствовал блаженную усталость, томность и потребность поспать. Мысли не давали мозгу отключиться. Комната уже не была освещена так ярко, как еще несколько минут назад, – видимо, луна склонялась низко над горизонтом на западе. Что же это такое со мной, подумал Ретагор.

– Все думаешь? – вдруг раздался полусонный голос Арлетт.

Ретагор от неожиданности чуть не подпрыгнул на кровати. Он вздрогнул и повернулся к ней. Она приподнялась и облокотилась о спинку кровати и серьезно, внимательно посмотрела на своего возлюбленного.

– Ты так и не заснул, дорогой, – проговорила она. – Вы планируете выйти на рассвете, тебе нужно поспать.

Она помолчала минуту.

– А знаешь, я очень удивилась, когда ты сказал, что согласен сопровождать его. Мне казалось, что ты вот-вот просто пошлешь его к черту.

Ретагор поднялся и сел на кровати.

– Мне самому так показалось, но в какой-то миг подумал, а почему нет? Зло – не Зло, какая разница, кто наниматель, а заплатит он неплохо.

– И все? – усмехнулась Арлетт. – Только деньги?

Ретагор пожал плечами:

– Может, и не только. Может, для успокоения души и совести. Если с ним произойдет что-то здесь, меня будет мучить чувство вины. Но вот когда он покинет... пределы моего обозрения, меня это больше не будет касаться. Ни он, ни его рассказ.

Но Арлетт покачала головой и вдруг заговорил совсем о другом.

– Завтра... сегодня ты проводишь меня до моей деревни, сделаешь несколько красивых обещаний и скроешься из виду навсегда. Послезавтра ты и не вспомнишь моего имени. – Арлетт говорила спокойно, почти бесстрастно, где-то в глубине ее голоса слышалась горечь, обида и будущие слезы.

Однажды, пару лет назад, при совершенно иных обстоятельствах один человек, безграмотный пожилой пастух сказал ему, что хоть у него внешность взрослого, сильного мужчины высокого роста и широкого в плечах, с руками, привычными к оружию и кулачному бою, внутри он еще неповзрослевший подросток. Почему-то сейчас он вспомнил этот эпизод. Потому что понял, что только подросток может жить и думать, как он, только сегодняшним, в крайнем случае, завтрашним днем. Арлетт увидела в нем тоже большого подростка, и то, что она говорила, как раз и подходило к тому образу, который в нем люди видели. Ему вдруг захотелось, чтобы это раз и навсегда закончилось.

- Я не хочу с тобой расставаться, Арлетт, – сказал он твердо. И он говорил искренне.
- И как это ты представляешь? – Что это в ее голосе – надежда?
- А что такое?
- По-твоему, я буду бродить по твоим лесам?
- Я устал от бродяжной жизни, – сумрачно сказал он. – Я хочу быть с тобой.

Арлетт молчала несколько минут. Ретагор тоже ничего не говорил – он ждал ее ответа, ее реакции.

– Знаешь, Ретагор, – наконец проговорила она. – Ты можешь поселиться со мной, но тебя всегда будет тянуть на волю, какой ты ее представляешь и знаешь. А я буду каждый день бояться, что этот день последний, когда ты со мной. И что, уйдя на охоту, ты больше не вернешься.

– Ты не оставляешь мне шанса!

– Ретагор, ты забываешь, что ты так и не заснул сегодня.

Он удивленно посмотрел на нее:

– А это при чем?

– При том, что тебя тяготят любые рамки. Даже стены дома, – сказала Арлетт с такой убежденностью, что Ретагор удивленно уставился на нее.

– С чего ты взяла?

– Я знаю.

Ретагор откинулся на подушки и нарочито громко засмеялся:

– Каждый, кому не лень, заявляет мне, что прекрасно меня знает. Даже получше меня самого!

– Ничего в этом смешного нет. Я, действительно, знаю. И дело не во мне или ком-то еще.

– А в чем?

– В ком. В тебе. Ты живешь, словно бы в каком-то тумане. Ты сам себя не знаешь, ты, мне кажется, вообще никогда не задаешься никакими вопросами.

– Почему же, бывает, что задаюсь. Как срезать путь или обойти болото?

Арлетт раздраженно махнула рукой, и покрывало спало с нее, обнажив высоко поставленные маленькие юные еще груди. Ретагор невольно перекинул взгляд, и она резко запахнулась вновь, слегка покраснев.

– Вот именно об этом я и говорю! Все тебе шутки.

Ретагор резко выпрямился и схватил ее за плечи:

– Я никогда не был серьезнее, чем сейчас, когда говорю тебе, что хочу остаться с тобой!

Арлетт встала и накинула на себя одежду, после чего обошла кровать и села с его сторону. Он подтянулся и сел, упершись спиной в стену.

– Я не знаю, сколько времени займет твой путь туда и обратно. Но я буду ждать тебя. Столько, сколько потребуется.

Он молча обнял ее, ее голова покоилась на его плече. Он хотел было что-то сказать, но вдруг раздался стук в дверь. Ретагор вскинул голову, Арлетт боязливо замерла. Стук повторился. Негромкий, деликатный, но при этом настойчивый. А следом тихий голос позвал:

– Господин! Это Морур. Нужно поговорить.

Ретагор за несколько секунд оделся и подошел к двери. Распахнул ее и увидел Морура на пороге. Тот был наспех одет и трясся от страха. Ретагор быстро оглядел коридор – никого, и затащил хозяина внутрь комнаты.

– Говорите.

Морур уставился на него, словно в первый раз в жизни видел. Похоже, что он испуган не на шутку, решил Ретагор.

– Господин, внизу двое человек, они спрашивали господина Харника, я ответил, что тот днем уехал, как вы приказывали, потом они спросили вас. Сказали, что знают, что вы здесь

и чтобы я вас позвал, если мне дорога жизнь, – Морур говорил быстро. Странно было видеть этого всегда уверенного в себе человека в таком состоянии. Эти двое, внизу, монстры что ли какие-то?

Но вслух Ретагор этого не сказал. Напротив он постарался его успокоить.

– Не переживайте, я спущусь. – Он обернулся к Арлетт. – Соберись поскорее и будь в соседней комнате. – И вновь повернулся к Моруру: – В ней никого?

Тот покачал головой:

– Как договаривались...

– Тогда пошли.

Внизу за одним из пустых столов, почти в полной темноте сидели двое. Монстры-не монстры, но такие кого хочешь напугают, мелькнуло у Ретагора в голове, когда он бегло окинув их бородатые смуглые хмурые физиономии. Одеты они были в какие-то шкуры, на поясах висели кривые кинжалы. Опасный сброд, но точно не те, кого он оставил в лесу. Значит, их действительно целая банда.

– Плохо прячешься, – произнес один из глухим голосом. – Мы тебя нашли еще днем, но тогда еще не решили, что делать.

Ретагор встал перед ними, глядя снизу вверх.

– Если бы я прятался, никто бы меня не нашел. А прятаться от таких как ты я не привык, – голос его был ровным. Кого бы они не старались напугать, его напугать им не удалось.

Второй при этих словах зарычал и попытался встать. Первый одернул его жестом и посмотрел на Ретагора:

– Убивать тебя у нас нет приказа. Пока только поговорим.

– Говори.

– Уговор будет такой: ты выводишь нас на Харника, мы оставляем тебя в покое.

Ретагор не был удивлен. Он приблизительно этого и ожидал.

– Нет, уговор будет иной: оставляете меня в покое, и останетесь в живых. Что касается Харника, я понятия не имею, куда он направился.

Бородач с усмешкой покачал головой:

– Ты не понял. Мы знаем все, знаем, где живет твоя подружка. Ты можешь исчезнуть. На время. Но мы убьем сначала ее, потом тебя.

На лице Ретагора не дрогнул и мускул, хотя подобного он, признаться, не ожидал.

– Не мужское это дело угрожать такими вещами, – хмуро произнес он, пытаясь придать голосу оттенок сломленности. Пусть думают, что он поддался на шантаж. – Мужское дело драться, а не...

– Оставь свою мораль самому себе, – грубо оборвал его бородач. – Сейчас не время. Нам нужен Харник, чего бы это ни стоило. Не согласишься, зарежем девчонку.

Ретагор отвернулся, делая вид, что раздумывает, через несколько секунд повернулся к визитерам вновь.

– Ладно. В конце концов этот Харник лишь наниматель. Своя шкура дороже.

Бородач усмехнулся.

– Правильно, мыслишь, мальчик. В лесу бы так...

Ретагор деланно отмахнулся:

– Что было, то было. Короче, я приведу вас к Харнику. Но сначала заберу девушку и спускаюсь. Ждите на улице.

Бородач поднялся.

– За идиотов нас принимаешь? Ты останешься здесь, а вот он, – он махнул головой в сторону Морура, который все это время жался за стойкой, – приведет девчонку.

Ретагор кивнул:

– Будь по-вашему, – и добавил, обращаясь к Моруру: – Делайте, что они велят.

Морур отклеился от стены и направился к лестнице. Поднявшись на несколько ступенек, он повернулся посмотреть на Ретагора. Тот стоял, небрежно опираясь о стол, за которым продолжали сидеть двое похожих на бродяг убийц. Когда через минуту он спускался по той же лестнице вместе с Арлетт, картина была совершенно иная: бородачи лежали без движения, а Ретагор направлялся как раз к лестнице.

– А, вот и вы, отлично. – Его голос немного дрожал. – Времени мало, нужно убрать их подальше, Морур.

Морур по-прежнему выглядел испуганно, но былая уверенность постепенно возвращалась к нему.

– Закопаем их на заднем дворе.

Когда через час они с Арлетт покидали гостиницу Морура через потайную калитку заднего двора, уже светало, поэтому они торопились. Ретагор лишь на несколько секунд задержался, чтобы сказать на прощание Морура:

– Если что, мы ушли вместе с теми двумя. Ничего больше вы не знаете, иначе...

– Не продолжайте! Господи упаси!

Еще минут через десять Ретагор постучал к окошко неказистого домика на окраине Велина. Им открыли, и они прошли внутрь. Тот, кто им открыл, даже не показался, так и исчез в каком-то коридоре. Из задней комнаты вышел Харник, он был одет по-походному, поверх камзола была наброшена неприметная накидка.

– Почему так рано?

– Планы изменились, – ответил Ретагор. – Выходим немедленно. Расскажу по дороге.

VI

Солнце зашло, небо стало темнеть, и Ретагор подумал, что пора остановиться на ночевку. Он взглянул на Харника и Арлетт и заметил, что его спутники к тому же сильно устали – Харник слегка подволакивал ногу, а Арлетт то и дело перекидывала мешок с одного плеча на другое. Ретагор огляделся по сторонам и приметил небольшую прогалину, вполне подходящую для ночевки.

– Сделаем привал до утра, – провозгласил он.

– Не откажусь, – пробормотала Арлетт, а Харник глубоко вздохнул.

Пока Арлетт раскладывала на траве подстилки, Ретагор достал топорик и нарубил веток для костра. Разжег костер, после этого принялся за установку двух отдельных палаток, которые они купили у бродячих артистов в двух днях пути от Велина. Костер разгорелся, Ретагор расшевелил угли и стал поджаривать на них мясо, нанизав его кусками на наточенные из веток палочки. Они молча поужинали, после чего Ретагор достал солидных размеров флягу и налил всем по стакану вина.

– Сколько мы сегодня прошли? – спросил Харник у него.

– Не менее восьми лиг, – ответил Ретагор, на миг задумавшись. Он взглянул на небо, там стали появляться первые звездочки. Скоро их станет очень много. Ретагор часто задумывался о том, что это такое звезды, почему они горят по-разному, но на эти вопросы никто не мог ответить.

– Не плохо, – сказала Арлетт усталым голосом. Она чувствовала себя разбитой уже четвертый день, с того утра, как они вышли из Велина под покровом ночи, взяв курс на запад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.